

Annotation

Сборник рассказов для детей алтайского писателя Виктора Сидорова.

Можно много говорить об особенностях дарования Виктора Сидорова. Ведь каждый писатель, если он писатель настоящий, пишет по-своему и этим отличается от своих товарищей по перу. Хочется отметить только одну, но очень существенную черту писателя — его любовь к детям. Она помогает Виктору Сидорову проникать в мир своих героев, узнавать мальчишечьи и девчоночьи тайны и секреты.

- [Виктор Степанович Сидоров](#)
 - [Озеро, которого не было](#)
 - [Барышня](#)
 - [Березка](#)
 - [Димка-буксир](#)
 - [Двое](#)
 - [Лошадка](#)
 - [Гости](#)
 - [Грызунок](#)
 - [Аналогичный случай](#)
 - [Племяши](#)
 - [Тропинка](#)
 - [Весельчак](#)
 - [Няма](#)
 - [Пека](#)
-

Виктор Степанович Сидоров Рассказы

Озеро, которого не было

Я дочитывал книгу «Повесть о суровом друге», когда ко мне зашел Степка Куликов.

— Погоди, кончаю, — сказал я, не отрываясь от последней страницы.

— Что ж, подождем, — буркнул Степка, усаживаясь на табуретку возле стола. — Охота же тебе читать! Сидишь, как клоп, в духоте.

Я захлопнул книгу. Вот это ребята! На смерть шли — не трусили, нашим солдатам воевать помогали.

Я взглянул на Степку.

— А ты бы пошел на смерть?

Степка сидел, выпятив губу, и старательно вычищал щепочкой грязь из-под ногтей. В ответ на мой вопрос он только хмыкнул и продолжал чистить свои давно не стриженные ногти.

«Ну разве с таким повоюешь, — с горечью думал я, — совершишь что-нибудь геройское?» Мне даже стало немножко жаль Степку, очень уж неказистым был он для героя: голова лохматая, пегая какая-то, нос облупился, брови выгорели.

— Ты скажи, пошел бы на смерть? — повторил я.

Степка поднял свои белесые ресницы и буркнул:

— С какой стати? Дурак я, что ли?

Меня обидел его ответ. Я загорячился.

— Ну, если бы тебя послали?

— Никто меня не пошлет.

— Балда! Если бы ты был на войне, если бы тебя послал командир... Ты бы пошел?

— Тогда другое дело — равнодушно ответил Степка и выковырнул грязь из-под следующего ногтя.

— Эх ты! Что ты за человек! А вот я бы...

И в моих глазах сразу возник затемненный настороженный город. Я пробираюсь по узкой улочке, чтобы передать в штаб донесение командира. В моих руках автомат, на поясе — гранаты. Вдруг, откуда ни возьмись, — враги. Я не теряюсь, вскидываю автомат и — трр-трр-та-та-та!..

— Петък, а Петък, ты что, оглох? — будто откуда-то издали донесся до меня Степкин голос.

— Чего тебе?

— Идем на озеро.

— На какое озеро? — удивился я. — Здесь их и в помине нет, никаких озер.

— Много ты знаешь! Раз сказал есть, значит есть. От знающих людей услышал.

— Выдумываешь! Я бы тоже знал.

— Откуда тебе знать-то, если дальше колхозных огородов не бывал, — презрительно сощурился Степка. — Пойдешь или нет?

Я подумал и согласился. Да как тут было не согласиться, если на дворе стояла такая жара, что хоть в колодец лезь. В деревне ни деревца, ни речушки, а вокруг степь и степь. И кто только придумал в таком месте деревню построить! Я как представил себе озеро — голубое, широкое, по берегам деревья и прохладные густые заросли, а в них птицы поют, — даже дух захватило.

— Идем, идем, Степка, — нетерпеливо сказал я. — Хоть накупаемся досыта.

— Тогда собирайся быстрее и заходи ко мне.

Я наспех съел кусок хлеба, выпил молока, надел сандалии и побежал к Степке.

Он уже ждал меня возле калитки. У него на шнурке через плечо висела бутылка с водой, привязанная за горлышко, с другого бока болталась небольшая ситцевая котомка.

— Для чего это нацепил?

— Как для чего? А есть-пить что будем?

Я рассмеялся.

— Будто мы в путешествие собрались. Неужели думаешь, что с голоду умрешь?

— Зря хорохоришься. Идти не близко. Воды возьми обязательно. Жарынь-то, вишь, какая!

— В озере напьюсь, если захочу, — беспечно ответил я.

Степка постоял малость в раздумье, глянул на меня искоса и махнул рукой.

— Как знаешь. А воды захочешь — не дам, не проси.

— Чего заранее плачешь? Не попрошу, не бойся.

Мы проулками пересекли деревню и двинулись в степь по чуть заметной тропке.

Солнце поднялось уже высоко и палило вовсю. Над землей дрожало марево. Вокруг, куда ни посмотришь, колыхались метелки ковыля. Мне никогда не приходилось видеть море и почему-то казалось, что оно точно такое, как эта степь, огромное и пустынное.

Деревня наша уже давно скрылась из виду. Так далеко в степь, наверно, не доводилось заходить и Степке. Но Степка не такой, чтобы сознаться в этом.

— Подумаешь, — сморщил он облупленный нос. — Я, брат, забирался туда, куда тебе и во сне не попасть. В Заячий Лог ходил. Слышал про такой?

Я не слышал о Заячьем Логe и возразить Степке ничего не смог.

— То-то, — самодовольно произнес он. «Хвастун», — обиженно подумал я.

— Гляди-ка, гляди! — Степка указал рукой.

Я вскрикнул от удивления и неожиданности: прямо на нас низко и стремительно летел большой степной орел. Он зорко смотрел по сторонам, на лету поворачивая голову.

Степка заулюлюкал, замахал руками, но орел равнодушно, словно нас и не было, пролетел над нами. Мы стояли открыв рты и смотрели вслед птице. Но вот орел вдруг, будто его подстрелили, камнем рухнул вниз.

— Бежим, Степка, — заорал я, — поймаем!

Но Степка только засмеялся:

— Поймаешь, пожалуй! Это он, поди, суслика сцапал. И верно, через две-три секунды орел взмыл вверх. В когтях у него болтался какой-то зверек.

— Видал?! — торжествующе засмеялся Степка. — А ты — «поймаем!» Он, брат ты мой, сам тебя поймает.

Тропинка, по которой мы шли, становилась все незаметней и незаметней, пока, наконец, совсем не исчезла.

— Вот тебе и на! — удивился я. — Куда теперь идти?

— Прямо, — уверенно ответил Степка и пошел по высокой траве, раздвигая ее руками.

Мне все нравилось в степи: и ковыль, и жаворонки, которые едва различимыми дрожащими точками висели в небе, и пересвисты сусликов, и вообще все, что я видел. Степка тоже с интересом озирался вокруг. Но я знал, что, если спросить его, нравится ли ему в степи, он сморщится и буркнет: «Ерунда! Трава и все».

Я хоть и знал наперед об этом, но все равно спросил:

— Хорошо ведь здесь?

Этот вопрос ему, видно, показался настолько несерьезным, что он даже не взглянул на меня.

Чуть ли не из-под самых наших ног с шумом вырвалась какая-то птица и, низко пролетев шагов десять, снова нырнула в траву.

— Перепелка! — воскликнул Степка не то с удивлением, не то с испугом.

— Эту-то я поймаю! — заорал я в восторге и кинулся вперед.

Я добежал до того места, где скрылась перепелка, и увидел, как в пяти шагах от меня зашевелился ковыль: птица быстро убежала. Я снова бросился за ней.

— Петък, да брось ты! — позвал Степка. — Идем.

— Подожди!..

— Все равно не поймаешь. Зря бегаешь, только запалишься.

Но меня охватил охотничий азарт. Я решил во что бы то ни стало поймать перепелку. Однако минут через десять пришлось бросить это занятие: перепелка куда-то улизнула, а я, злой, потный и усталый, вернулся к Степке.

— Ну что, птицелов, увидел хвост у перепелки?

Я так умаялся, что ничего не ответил.

Степь мне стала казаться обыкновенной и просто скучной и больше нисколько не напоминала море. Пыль, сбиваемая ногами с травы, лезла в нос и в рот, противно липла к мокрому лицу.

Захотелось пить. Тут я в первый раз пожалел, что не взял с собой воды. «Эх, зря гонялся за перепелкой!» — подумал я и провел языком по губам. Они были сухими и шершавыми.

Мы прошли еще, наверно, с километр. Я уже так хотел пить, что казалось — внутри у меня огонь.

— Скоро озеро?

Степка зачем-то взглянул вверх, прищурил левый глаз, словно целился в небо, и ответил:

— Скоро. Половину, пожалуй, прошли.

— Половину?! — закричал я, ошарашенный таким ответом. — Полдня идем, а прошли только половину?

— А ты думал, что оно в трех шагах? Ишь, шустрым какой! Если бы озеро было близко, все ребята бегали бы туда купаться да рыбу удить.

«Если мы к вечеру лишь доберемся до озера, — подумал я, — то когда же вернемся домой?» Представил себе уже пройденную нами дорогу да ту, которую еще предстоит пройти, и стало мне тоскливо. Я оглянулся назад: ковыль и ковыль. Как далеко мы забрались!

— Степ, давай отдохнем малость.

Степка не согласился.

— Дойдем до озера, там отдохнем, закусим, — и он важно похлопал рукой по своей котомке.

Ноги мои гудели от усталости, и идти на озеро совсем расхотелось. Шел же я только потому, что шел Степка. А он, как нарочно, шагал и шагал вперед, будто заведенный.

«Вот черт, — завистливо подумал я. — Неужели он несколько не устал?» Заглянул в его лицо: хмурое, напряженное; губы плотно сжаты. «Устал», — почему-то обрадовался я. И даже идти стало веселее.

Мысли мои крутились возле Степкиной бутылки. Но попросить у него не решался: он же заранее предупредил.

Я только облизывал губы. А жара, как назло, становилась все сильнее и сильнее. Меня то и дело обдавало горячим, как в бане, воздухом.

— Степ, а может, озера-то нет? — с надеждой взглянул я на друга. — Может, мы зря идем? Давай лучше домой, а?

Степкины губы скривились.

— Ну что ты за человек? Есть озеро, есть! Через часок будем там. Ты только, Петька, потерпи.

Хорошо Степке говорить «потерпи», если ему не хочется пить. А мне совсем невмоготу. Иду, а в висках будто молоточки стучат: тук-тук-тук. Мне уже казалось, что я всю жизнь вот так иду по степи, а ей конца-края нет. Во рту стало совсем сухо, язык поворачивался с трудом.

Я почувствовал, что идти дальше не могу, что вот сейчас свалюсь в траву и не встану больше. Чуть не падая, я догнал Степку, тронул его за рукав.

— Дай плотнуть...

Я думал, что Степка ехидно засмеется, но он спокойно сказал:

— Погоди, еще маленько пройдем и поьем.

Я послушно поплелся дальше, жадно поглядывая на Степкину бутылку.

Прошли молча несколько минут, а Степка и не думал останавливаться. На его лице застыло твердое упорство. Он шел, устремив взгляд куда-то вперед.

— Степка, ну дай...

— Вот заладил, — оглянулся Степка. — Сказано подожди — значит, жди...

Но тут он посмотрел на меня, остановился и совсем другим голосом торопливо добавил:

— Так бы и сказал... На, пей...

Я схватил бутылку, руки мои дрожали. Припал к горлышку. Вода была теплая, пахла распаренной кадкой, но я глотал ее с такой жадностью, словно никогда в жизни не пил ничего вкуснее.

Наконец оторвался от бутылки, чтобы перевести дыхание. Случайно взглянул на Степку. Он стоял, напряженно подавшись ко мне, и неотрывно смотрел на бутылку и мой рот. Мне стало невыносимо стыдно: не взгляни я на него — конечно, без раздумий выпил бы всю воду.

Я порывисто протянул Степке бутылку, в которой на доньшке булькнула вода.

— Это тебе... — и отвернулся, чтобы не встретить Степкиных глаз.

Сколько плотков ему досталось — не знаю, но через минуту Степка почти бодрым голосом сказал:

— Теперь хорошо. Верно, Петька? Теперь можно еще столько пройти!

Я промолчал и медленно зашагал за Степкой. Выпитая вода не утолила жажды, а разожгла ее сильнее.

«Скорее бы солнце зашло, — думал я. — Или бы тучи напоззли...» Но солнце словно застряло в небе и стояла на одном месте. И туч нигде не было, даже ни облачка.

Непонятно, откуда во мне появилась злость. С каждым шагом она росла и росла. Я тупо глядел на тощую Степкину спину с острыми лопатками, которые торчали под взмокшей рубашкой, на его пегие волосы, свисающие на затылке, и злость становилась еще сильнее. «Зачем я пошел в этот дурацкий поход? — кипел я. — Зачем послушался Степку? Сидел бы сейчас дома и занимался чем-нибудь интересным, а не плелся по степи, не зная куда».

Мне вдруг стало ясно, что озера никакого нет. От этой мысли даже кулаки сжались. Я догнал Степку, дернул его за рукав.

— Где же твое озеро? Где?! — закричал я.

— Наверно, скоро увидим, — спокойно ответил Степка, хотя в глазах его мелькнула тревога.

— Нет его! И не было! Наврал ты все! Болтун! Звонарь!

Степка остановился. Я был уверен, что он ползет драться. Но Степка чуть хрипловатым голосом проговорил:

— Не ори. Озеро вот-вот будет. Я чую... — И для убедительности потянул носом. — Сырым воздухом пахнет...

Но я уже не мог остановиться. Обида на Степку захлестнула меня. Я вспомнил его кличку, придуманную ребятами, и снова закричал:

— Пегашка! Брехун! Сам знаешь, что озера нет. Дальше не пойду! Дудки! Катись сам на свое озеро!

Степка пытался успокоить меня, но я повернулся и побежал назад.

— Петьк! Петька! — раздался испуганный Степкин голос. — погоди, что скажу!

Я не остановился. Потом услышал за спиной тяжелое дыхание Степки — он догонял меня.

— погоди! — Степка ухватился за мою рубаху.

— Не хватай! — рванулся я.

— Петька, бежать негоже: запалишься, — бубнил Степка. — Лучше вместе шагом пойдем...

— Ага, струсил? — злорадно выкрикнул я. — Струсил один?!

В Степкиных глазах вдруг вспыхнул огонек.

— Дурак, — глухо произнес он. — Ты послушай, что я скажу...

Но я снова побежал. Бежал, путаясь в траве, падал, поднимался и опять бежал с одной тупой мыслью: скорее добраться до деревни, схватить полное ведро воды и пить, пить, пить...

Из груди рвалось хриплое дыхание, во рту жгло нестерпимо, топот ног больно отдавался в висках. «Пить, пить, пить...» — билось в мозгу, а я бежал и бежал, выбирая дорогу по нашим старым следам — примятой траве.

Пот, слезы бессилия текли по лицу, застилали глаза.

«А как же Стёпка? — вдруг мелькнула тревожная мысль. — Ведь я его бросил одного в степи...»

Я остановился, оглянулся. Степки не было видно. Я с трудом раздвинул ссохшиеся губы, чтобы крикнуть ему, но острая боль не дала открыть рот — губы лопнули, из них засочилась кровь.

Такого у меня никогда не случалось, и я испугался. Мне показалось, что я сейчас умру. Ужас охватил меня, и этот ужас погнал вперед.

«Пегашка, подлец! — ругал я в отчаянье Степку. — Пропадай теперь и ты! И правильно сделал, что убежал от тебя».

Наконец выбрался на тропинку, бежать сразу стало легче, но я чувствовал, что кончаются мои последние силы. Во мне все горело, не хватало воздуха. «Скорей, скорей», — твердил я себе, но бежать уже не мог, а еле перебирал ногами.

И вот, когда уже совсем потерял надежду на то, что выберусь из беды, я увидел вдалеке, на взгорье, нашу деревню.

Радость охватила меня. Я рванулся вперед и — зашатался. Меня кто-то сильно ударил по голове. Черные и красные круги поплыли перед глазами, и я упал...

За окном шумел ветер. Было видно, как он свирепо налетал на чахленький куст сирени и крепко трепал его. Кажется, собиралась гроза: небо было какое-то сизое, и по нему плыли черные рваные тучи.

Вот уже с минуту я лежу с открытыми глазами и не могу вспомнить, что же со мной случилось: почему я в постели, почему у меня разламывается голова и так сильно болит тело?

У стола, подперев ладонью щеку, сидит моя тетя Агаша. Она часто вздыхает и, нет-нет, да смахнет с глаз редкие крупные слезы.

«Что же это она плачет? — думаю я. — Неужели из-за меня? Ну конечно! Ведь кто-то сильно ударил меня по голове...»

Я силюсь вспомнить, что было со мной дальше, и не могу.
Скрипнула дверь. Кто-то тихо подошел к тете Агаше и тоже сел. Я узнал нашу соседку, крикливую бабку Дудариху.
— Ну что, не полегчало? — шепотом спросила она и кивнула в мою сторону.
Тетя Агаша вздохнула, покачала головой.
— Беда, — вздохнула и Дудариха. — Что докторша-то сказала?
— Говорит — солнечный удар... От жары. Ходили в степь искать озеро какое-то... — Тетя Агаша всхлипнула и провела пальцем по глазам.
— А кто еще-то ходил? — испуганно спросила Дудариха. — Нашего Ванюшки тоже, почитай, с утра дома нет.
— Со Степушкой Куликовым ходили. Он-то, сердечный, и принес на себе Петю... Сам — клоп, от горшка два вершка... Еле отходили. Тоже лежит теперь дома.
— Смотри-ка! — ахнула Дудариха. — Не бросил дружка...
Словно огнем обдали меня эти слова. Я закрыл глаза.
Я лежал, думал, а перед глазами стояло Степкино лицо, его белобрысая, пегая голова.
«Степка, а ты бы пошел на смерть?» — вспоминаю свой вопрос.
Степка не ответил. Он не ответил, но теперь я знал Степку лучше, чем себя...

1961 г.

Барышня

У бабки Меланьи был обширный двор с таинственными закоулками. На нем с самого раннего утра и до заката солнца разгуливали куры. Это были простые и добрые куры. Они разгребали навозные кучи, грелись в горячей пыли, лениво перебрасываясь друг с другом незамысловатыми новостями.

Больше всех знала новостей Хохлатка. Она умела забавно рассказывать и тараторила без умолку. Подруги слушали ее всегда с удовольствием.

«Что за умница наша Хохлатка, — думали они. — И откуда она все знает?»

Петух, гордый красавец, проникся к Хохлатке особым расположением и всегда норовил выбрать местечко рядом. Такое соседство было для него очень приятным, не то что, например, подле Рябушки, этой дурнушки и тихони.

Что за курица! Ходит — молчит, греется — молчит. И место себе выбирает где-нибудь в сторонке. Ну кого сможет привлечь такая нелюдимка?

И Петух, найдя лакомый кусочек, никогда не делился им с Рябушкой. Всегда успевали первыми подбежать на его зов другие курицы.

А Хохлатка заважничала. Ходила по двору, поглядывая на всех свысока. Иногда даже постукивала подружек, если они не уступали ей лучшего места на насесте или не освобождали дорогу к кормушке. И куры ничего — терпели.

Однажды ранней весной случилось важное: Хохлатка завохтала. Подруги заохали: ах какое счастье! Ах какая радость! Что ни говорите, а везет нашей Хохлатке.

— Большому кораблю — большое плаванье, — важно заметила одноглазая Пеструшка.

Петух совсем ошалел от радости и пел даже в неурочное время. Он неотступно ходил за Хохлаткой, ухаживал и заботился, как мог.

Хохлатка гордо принимала знаки внимания и с каждым днем становилась нетерпимей и вспыльчивей. Она ни с кем почти не дружила, никого не подпускала к себе и по каждому пустяку лезла в драку. Но подруги терпеливо сносили ее клеветки и всяческие обиды: нельзя волновать Хохлатку!

Все были настолько заняты Хохлаткой, что не заметили, как в одно время с ней завохтала и Рябушка. Она не лезла никому в глаза, не надоедала своими тревогами, не бросалась в драки, а часами ходила по дворовым закоулкам, раскапывала вкусные вещи и настойчиво звала своих деток. Но их не было. Тогда какая-нибудь озорница, а среди кур были и такие, подбегала и из-под самого носа Рябушки выхватывала находку.

— Что, съела? — злорадствовала одноглазая Пеструшка.

В один прекрасный день бабка Меланья устроила в сарайчике уютное гнездо, положила туда десятка полтора яиц и посадила на них Хохлатку. Хохлатка сначала беспокойно заерзала, потом притихла и умиротворенно прикрыла глаза.

Рябушку же бабка Меланья, к всеобщему веселью, схватила и окунула в кадку с холодной водой, чтобы та больше не квохтала. Куры потешались над Рябушкой. Каждая почему-то считала своим долгом клюнуть ее и погонять по двору.

Обидно было Рябушке. Но и после всех этих неприятностей она продолжала квохтать. Куры решили, что Рябушка — набитая дура и кривляка. Они желали ей еще раз попасть в кадку с холодной водой.

А Хохлатка в это время нетерпеливо сидела в гнезде и прислушивалась к жизни двора. Как хотелось ей туда — на простор, на солнце! Она соскучилась по красавцу Петуху, по его гостинцам, что отыскивал он для нее когда-то. Она вспомнила своих подруг, немного глупых, но добрых, рисовала в своем курином воображении встречу с ними, когда она выйдет из полутемного сарайчика. Конечно, они бросятся к ней, снова начнут заискивать, лебезить и прислушиваться к каждому ее слову.

«Какая, верно, без меня тоска во дворе! — думала Хохлатка. — Как они все ждут меня».

И Хохлатка начинала ерзать по гнезду, ругая яйца, которые нужно так долго парить.

Как-то раз, а это было в самый солнечный день, куры лежали в пыли и наслаждались теплом. Вдруг они увидели, как из сарайчика вышла Хохлатка. Все вскочили, захлопали крыльями, закудахтали наперебой. Откуда-то прибежал взволнованный Петух, остановился неподалеку и нетерпеливо вытянул шею, пытаясь увидеть, что же там, в сарайчике.

Хохлатка высокомерно окинула взглядом подружек, кокетливо кивнула Петуху и стала быстро и ловко прихорашиваться.

Куры благоговейно приумолкли, ожидая, что вот-вот из дверей врассыпную выбегут цыплята и порадуют их веселым писком, таким нежным и трогательным.

Но никто не выбежал за Хохлаткой. Куры переглянулись, они поняли, что Хохлатка бросила недопаренные яйца.

Поднялся ропот.

— Я так и знала! — выкрикнула одноглазая Пеструшка и пребольно клюнула Хохлатку в голову.

Хохлатка вскрикнула от боли и обиды и бросилась под защиту Петуха. Но тот, пряча смущенно глаза, отошел от нее, делая вид, что ничего не заметил.

Из избы вышла бабка Меланья. Она взглянула на Хохлатку и тоже все поняла.

— Ах ты, негодница! — проворчала бабка. — Ах ты, барышня!

Потом взяла Рябушку и посадила в гнездо, где только что сидела Хохлатка.

А через несколько дней Рябушка вышла во двор. За ней, как желтые пушинки, катились на крохотных розовых ножках цыплята.

Куры почтительно расступились перед Рябушкой и ее семьей. Одноглазая Пеструшка умильно сказала:

— Я всегда говорила: Рябушка — просто прелесть.

А Петух вдруг запел во все горло, но тут же смущенно смолк: опять оказалось неурочное время...

1963 г.

Березка

В глубине бора раскинулась обширная поляна, вся в веселых ромашках и кружевных травах. А посередине поляны, по цветам и солнцу, врассыпную разбежались березки, будто девушки на праздничном игрище. Сосны, эти грустные молчаливицы, что столпились вокруг поляны, с осуждением глядели на стайку берез, хотя втайне завидовали их беспечности.

Среди березок выделялась одна. Она была и крепче и выше своих сверстниц. Эту

Березку хорошо знали в лесу, потому что она была дочерью Старой березы, приветливой и гостеприимной.

С давних пор о Старой березе жила добрая память. Некогда в ее густой кроне находило приют и отдых множество птиц, к ней часто приходила стройная лосиха с большеглазым лосенком, чтобы отдохнуть под ее сенью от жаркого полуденного солнца, прятались под ее листвой от дождя бабочки.

Но вот однажды на лес обрушился ураган. Со свирепой силой он ударил Старую березу и повалил ее. Только она не рухнула на землю, а нависла низко над ней: крепкие корни в последнем усилии удержали ее. Почти все ветви Старой березы были сломаны, по стволу, как рана, прошла глубокая трещина.

Все решили, что погибла добрая Старая береза, но весной глубокие корни погнали из недр земли живительный сок. Только цвести уж нечему было: на голом стволе сиротливо торчала лишь одна тоненькая веточка; Старая береза, несмотря на горе, сумела сберечь прежнюю доброту и любовь — отдала этой тоненькой хилой веточке весь сок, всю свою материнскую силу. Веточка стала быстро крепнуть и тянуться вверх, обгоняя маленькие березки, которые росли среди ромашек, добывая пищу своими корнями.

Прошло несколько весен, и веточка превратилась в совсем большую и красивую Березку, немножко капризную и совсем беззаботную. Она только и знала, что целыми днями смотрелась в голубую лужицу да расправляла свою пушистую крону. С удивлением Березка стала замечать, что она совсем не такая, как все ее подружки, что она растет высоко над землей и во время дождей грязь никогда не забрызгивает ее берестяных туфельек, что у нее нет черных узловатых корней и, что самое главное, она совершенно не знает, что такое добывать себе пищу.

Слушая сверстниц, которые часто говорили об этом, Березка удивлялась: «Зачем добывать сок, если он сам идет ко мне, хотя у меня нет ни одного грязного противного корешка?»

И Березка возгордилась этим.

— Фи, какие вы тощие и низкорослые! — говорила она подружкам, глядя сверху вниз. — Настоящие дурнушки. У вас вечно грязные туфельки и растрепанные кроны. А у меня? Взгляните, какие у меня узорные ветви, какие широкие и нежные листья.

Подруги смущенно приумолкали. Да и что они могли сказать, если Березка в самом деле была красивее их.

Она цвела и хорошела.

Однажды над поляной неторопливо проплывало белое Облачко.

Оно увидело облитую солнцем Березку, восторженно воскликнуло:

— Как ты хороша, Березка! Ты лучше всех в лесу. Поддай мне руку, я подниму тебя к себе. Твое место тут, а не на грязной земле. Я обовью тебя парчовой дымкой, и ты станешь еще красивее. Поднимись ко мне!

Березка обрадовалась, засмеялась, рванулась вверх, но... Вытянутые ветви беспомощно повисли в пустоте. Как огорчилась Березка! Как жалела, что не выросла выше самой высокой сосны, что не может дотянуться до милого Облачка.

— Не горюй, Березка, — крикнуло уплывающее Облачко. — Я скоро прилечу к тебе. Жди меня!..

Березка опустила ветви. Но грустила она недолго. Смахнула слезы, надменно глянула вниз, на своих подруг.

— Вы все слышали? Хоть одну из вас пригласило к себе белое Облачко?

Березки молчали.

— До чего же вы некрасивы и глупы! — воскликнула тогда Березка. — Скорей бы проходили весны, чтобы я смогла дотянуться до Облачка и уйти от вас!

— Ты зла и несправедлива, Березка, — проскрипела Сосна, обветренная и опаленная молнией. — Твои подруги нисколько не хуже тебя. И они добрее. Не забывай этого.

Березка только пренебрежительно прошумела листвой и отвернулась.

Как-то раз пришел в гости к березкам знакомый лосенок, теперь уже быстроногий красавец-лось. Он по-прежнему приласкался к каждому деревцу, подошел и к березке, протянул свою шелковистую шею, чтобы потереться о ствол, но Березка брезгливо

воскликнула:

— Не смей прикасаться ко мне! Ты замараешь меня!

Лось, смущенный и обиженный, медленно отошел от Березки.

Притих лес, умолкли птицы и одна за другой покинули крону Березки.

— Куда вы? — крикнула Березка. — Ведь вас я не гоню. Я люблю вас и ваши песни.

— Нет, — ответили птицы, — мы не хотим больше петь тебе.

Незаметно минуло несколько весен. Березка стала еще выше и красивее. Выросли и ее подружки. Но по-прежнему они были веселы и приветливы, любили солнце, птиц, шутили с ветром-озорником и разговаривали с ромашками.

Одна лишь Березка была хмурой и молчаливой. Она уже давно не смотрела вниз, на землю. Ни о чем она не думала, ничего не хотела, кроме одного — дотянуться до белого Облачка и обвить свою пышную крону парчовой дымкой.

Холодная и гордая, возвышалась она одиноко над веселой поляной.

Прискакал однажды резвый звонкий Дождик, крикнул озорно:

— Березка, я освежу тебя, развеселю, подставляй-ка ветви.

— Я не люблю сырости, — ответила Березка. — Ты испортишь мне прическу и платье. Не смей мочить меня.

Но Дождик не послушался и со смехом брызнул серебряными струями. Березка рассердилась, подобрала подол сарафанчика, припрятала берестяные туфельки.

— Ты гадкий, мокрый. Уходи прочь!

И последний Березкин друг ушел...

Выглянуло солнце. Горячие лучи его засверкали в лужицах, на листве и в цветах. Березы стояли оживленные, радостные, стряхивая лишние капли. Туфельки и подола сарафанчиков у них были мокрыми и перепачканными землей, взбитой струями дождя.

— Ну вот, — торжествуя засмеялась Березка. — Посмотрите, какими вы стали! Вы все вымарались противной липкой землей.

Но подружки ответили, что они любят землю и дождь, а ромашки прильнули солнечными головками к их загрязненным туфелькам.

— Ты нехорошо сказала, Березка, — пролепетали они. — Земля — это наша жизнь.

— Зачем мне земля, — гордо сказала Березка, — когда я могу и без нее расти и цвести?

Тогда обветренная и опаленная молнией Сосна тяжело качнула ветвями.

— Если бы не земля, в которую крепко врастают наши корни, мы погибли бы от голода, нас бы свалила молния и сломал бы ветер...

— Доченька, — простонала Старая береза, — мудрая Сосна говорит правду. Мне тяжело держать тебя: мои корни стали стары и слабы...

Но Березка уже не слушала никого. Она беспощадно давила к земле материнский ствол. Старая береза клонилась все ниже и ниже. И однажды, когда Березка рванулась кверху, чтобы ухватиться ветвями за белое Облачко, корни Старой березы не выдержали, затрещали, разрываясь, и ствол тяжело рухнул на землю. Вместе с ним упала Березка, ломая нежные ветви.

Она лежала на смятых ромашках и умирала. Первый раз в жизни она ощутила землю, добрую, приветливую землю, ее запах, ее тепло, ее живительную силу.

Но было слишком поздно.

1963 г.

Димка-буксир

Димка — славный, общительный малый. Он плотный, широконыйкий, ходит медленно, вразвалочку. Мама говорит, что Димка — точная копия деда. А дед у него был мореходом...

Несмотря на свои небольшие года — Димке недавно исполнилось четыре — он серьезен и рассудителен. Его вопросы приводят в трепет и маму, и папу.

— Почему автомобили не на двух колесах? — спрашивает он папу и глядит на него

внимательными голубыми глазами.

Папа беспомощно улыбается, кряхтит, мычит, нукает.

— Ну как же! Ну разве можно на двух?.. Это же глупо — на двух. Он тогда возьмет и упадет.

— А почему велосипед не падает? — быстро спрашивает Димка.

— Ну, это совсем другое дело... Велосипед, он... Слушай, Димка, спроси, пожалуйста, о чем-нибудь другом.

Димка мотает головой.

— Не хочу о другом. Не знаешь?

Папа всячески юлит, не хочет показать себя невеждой, но это ему не помогает.

— Не знаешь? — допытывается Димка. — Да? Эх, ты! Потому что у них, у автомобилей, педали не вертятся!

Димка не плакса, не нытик, не какая-нибудь там кисейная барышня. Настоящий мужчина. Даже тогда, когда ему делают уколы или прививки, он не плачет, а лишь морщится да кряхтит.

Но не эти добрые Димкины качества принесли ему славу на весь дом. Конечно, в какой-то мере и они сыграли свою роль. Но главное, что сделало Димку известным и знаменитым, — это его аппетит.

Нет, он никакой не обжора, а просто очень вкусно ест. Когда он ест, смотреть — одно удовольствие.

Однажды во время димкиного обеда пришла соседка со своей дочкой Ирочкой, маленькой, тоненькой, какой-то совсем синенькой. Голосок у Ирочки слабенький, такой, что боязно: вдруг оборвется и навсегда пропадет.

Димка мельком глянул на тетю Раю, на ее Ирочку и спокойно продолжал есть борщ, а рядом стояла и ждала очереди миска с пельменями и стакан молока. Димка любил есть пельмени с молоком.

Димка с хрустом откусывает поджаренную корочку, хлебает борщ, а сам щупает пельмени — остыли или нет, снова хрустит корочка, снова две-три ложки борща. Да так смачно, так аппетитно у него это получалось, что тетя Рая украдкой сглотнула слюну и отвернулась к маме.

А Ирочка так и впилась глазами в Димку, смотрит — не моргнет. Точно так она смотрела цирковые представления. А потом, когда Димка взялся за пельмени, вдруг как запищала:

— Мама, я хочу есть!..

Тетя Рая смутилась: не подумала бы Димкина мама, что она свою дочь голодом морит.

— Ирочка, ведь мы только что из-за стола... Разве ты не наелась?

А Ирочка не сводит с Димки круглых глаз, пищит:

— Кушать хочу, кушать.

Димкина мама смеется и говорит:

— Посади ее, Рая, с Димой. Пусть отпробует пельмешек.

Отпробует! Ничего себе, отпробует! Навалилась Ирочка на эти пельмени, будто и в самом деле целую неделю голодала.

Тетя Рая сначала удивленно улыбалась, а потом забеспокоилась:

— Ирочка, хватит, у тебя будет животик болеть... Подумайте-ка, дома впору с ремнем есть заставляй, а тут... Ира, кому говорю, довольно!

Так началась Димкина слава.

На другой день перед завтраком, когда Димка готовился сесть за стол, пришла тетя Рая, робкая, смущенная.

— Здравствуйте...

— Здравствуй, Рая.

— Простите, Дима еще не завтракал?

— Сейчас садится.

Тетя Рая и обрадовалась, и смутилась еще сильнее.

— Знаете... Одолжите... То есть я хотела сказать: отпустите Димку на завтрак ко мне. Пусть он с Ирочкой поест... А то я совсем измучилась с ней, капризничает, ничего не хочет. А с Димой... Дима такой серьезный, такой... Отпустите, пожалуйста.

Мама сначала нахмурилась, однако разрешила Димке сходить к Ирочке и поесть с ней. Потом, во дворе, тетя Рая захлеб рассказывала:

— Это просто чудо! Как только Дима сел за стол, Ирочка схватила ложку и принялась есть. Без отрыва весь суп съела! И котлетку, и пюре... И компот выпила... Такого еще не было с ней!

Все соседки с большим интересом слушали тетю Раю, а одна спросила:

— В какой квартире живет Дима?.. Вот бы к нам его... У меня с Юрочкой и Колей просто беда. Совсем нет аппетита. Худые — одни ребрышки...

И пошло-поехало. Как только Димка выйдет во двор поиграть, смотришь, а его кто-нибудь уже к себе заманивает:

— Димочка, дитенок мой хороший, пойдём к нам, в пятую квартиру, поиграешь с Васей, а потом пообедаете с ним: я курочку сварила, рыбки нажарила... А тут как тут другая соседка:

— Евдокия Петровна, это нечестно: Дима у вас уже дважды был, а у меня только раз. Простите, но сегодня наша очередь. Шурик, зови Диму в гости. Скажи ему, что на третьёе я гоголь-моголь приготовила.

Шурик, маленький, шустренький, ухватился за Димкину курточку.

— Пойдем, Дима!.. Будем гоголь-моголь пить...

Димкина мама в отчаянье: ни на обед, ни на ужин не может найти Димку. Где он? В какой квартире?.. А когда стали за Димкой приходить из других домов, она сердилась не на шутку. Димка же — хоть бы хны! Ему даже очень интересно ходить по гостям, знакомиться всё с новыми и новыми ребятами. У каждого разные игрушки, у каждого разные обеды и ужины.

Однажды мама запретила Димке совсем выходить на улицу. На другой день в квартиру нагрянуло пять соседок во главе с тетей Раей, чтобы выручить из беды Димку.

Они долго о чем-то говорили с димкиной мамой в гостиной, в чем-то убеждали ее и просили. А когда вышли, то Димка услышал:

— Пусть наши дети и ваш Дима вместе обедают у нас по очереди. И здоровее будут и подружатся крепче.

Мама печально вздохнула:

— Хорошо...

С тех пор, когда мама скажет: «Уже первый час, пора обедать», Димка не спеша сует свою ложку в карман, говорит солидно:

— Ну, я пошел. Сегодня у тети Вари будет новенький — Игорек из первой квартиры. Худой, как селедка. Я его тоже возьму на буксир...

1969 г.

Двое

1.

Митька уже валился от усталости, когда увидел редкие огни железнодорожной станции.

В лицо хлестал холодный ветер с мелким дождем, Митька шлепал разбухшими сапогами по жидкой грязи и неотрывно глядел на желтоватые огни, словно боялся, что они вдруг исчезнут.

Он миновал темные станционные постройки, коновязь, где понуро стояла единственная лошадь, и вышел на самый конец узенького перрона. Огляделся настороженно, нет ли кого поблизости. Перрон был пуст, лишь у вокзальчика маячили две-три фигуры. Митька присел на какой-то ящик, положил рядом котомку. Свет от недалекого фонаря слабо освещал его худое скуластое лицо, старую фуражку с переломанным посередине козырьком, из-под которой торчали каймой белесые, давно не стриженные волосы.

Митька прикрыл глаза и сидел так, не шевелясь, втянув шею в промокшую стеганку,

подобрав тощие ноги в больших кирзовых сапогах. Казалось, он уснул, и настолько крепко, что совсем не чувствовал ни пронизывающего ветра, ни дождя, который сыпал все злее.

Но вот где-то далеко, за семафором, послышался слабый, едва различимый из-за шелеста дождя гудок паровоза, и Митька сразу встрепенулся, вскочил на ноги, торопливо надел на плечо котомку. Предстояло самое трудное — сесть на поезд.

Товарный состав втягивался на станцию медленно и долго. И все цистерны да платформы с чем-то громоздким, накрытым брезентом. «Наверное, танки», — расстроился Митька, потому что к такому поезду и подойти опасно — часовые.

Однако, когда эшелон остановился, он все-таки решил рискнуть: быстро перебежал пути, нацелившись на предпоследнюю платформу.

И только добежал, раздался окрик, как выстрел:

— Стой!

Митька остановился, будто налетел на невидимую стену. Услышал, как клацнул затвор винтовки, и, ни жив ни мертв, рванул назад, в темень. Только бы не пальнул!

Часовой не выстрелил, зато весь эшелон ожил, по путям забегали милиционеры. Митька прыгнул в водосточную канаву, вжался весь в липкую землю и лежал затаив дыхание, зажмурив глаза. Окоченев от холода, он наконец осмелился вылезть из канавы и перебраться к штабелю старых шпал. Здесь казалось теплее — не так продувал ветер. Митька достал из котомки корочку хлеба и принялся медленно и бережно есть.

Поезда шли почти беспрерывно: то в одну сторону, то в другую. Те, что уходили налево, Митьку не интересовали. Он следил за теми, которые шли направо, к Узловой. Но они, как назло, все были воинскими, а Митька не хотел больше зря рисковать.

Наконец, за полночь на второй путь прибыл товарняк с теплушками. Митька осторожно вышел из-за штабеля, огляделся по сторонам и, согнувшись, побежал к хвосту поезда. Одним махом обогнув состав, он бросился вдоль вагонов. Все они были закрыты, на некоторых висели пломбы. Митька уже начинал отчаиваться, когда увидел теплушку с отодвинутой дверью. Он ухватился за поручень, подтянулся и влез в вагон.

Здесь было тихо и почти тепло. В нос ударил знакомый запах конского пота и навоза.

Митька пошел ощупью вдоль стены: станков, в каких обычно перевозят коней, уже не было — вагоны шли, наверное, за иным грузом. В углу он наткнулся на ворох сухой соломы, торопливо разгреб его, улегся вовнутрь, прикрыв себя охапкой. И затих, прислушиваясь.

Дождь монотонно барабанил по крыше. За стенками проходили люди, переговариваясь, щелкали крышками букс. В вагон врвался яркий и быстрый луч фонаря. Один раз кто-то даже пошарил светом по теплушке, произнес хмуро:

— Никого. Тебе, должно, показалось...

И шаги потопали дальше.

У Митьки сердце замерло: скорей бы трогался поезд!

Машинист будто услышал Митькину мысль: паровоз загудел, состав дернулся с грохотом и, поскрипывая, медленно покатился по рельсам. Все напряжение, которое до сих пор цепко держало Митьку, враз ослабло, и он вдруг почувствовал, как бесконечно устал — и от ходьбы, и от пережитых волнений.

2.

Пригрелся Митька в соломе, закрыл глаза, слушает, как татакают колеса, а сам не то вспоминает, не то во сне видит совсем недавнее...

Вот он ведет на водопой коней. Солнышко, не по-осеннему яркое да горячее, припекает, хоть рубаху снимай. С полей летят паутинки, словно серебряные ниточки. Поднялся на косогор — внизу речка, тихая, синяя, а по ней, будто белые цветы, — гуси. Кони, почуяв воду, пошли быстрее. Митька приостанавливается: по дороге мчит на велосипеде Пахомыч — почтальон. Митька кричит приветливо:

— Добрый день, Пахомыч! Письма есть?

Пахомыч машет рукой:

— Уж отдал матери.

Письмо от тятки! Митька смотрит, как жадно тянут воду лошади, и думает.

Скоро уже два месяца, как председатель колхоза назначил его помощником конюха. Почему? Да просто потому, что Митька любит лошадей и очень просился к ним. Он из-за этого даже на курсы трактористов и комбайнеров не пошел.

Председатель уговаривал: война идет, погляди, мужиков-то в селе нет — все на фронте. Одни мальцы да старики остались. Кому на трактор садиться? Не девкам же! Таким, как ты. Иди, Митька, добром меня вспомнешь потом.

А Митька — ни в какую. Конюхом — и все! Председатель, наконец, отступился: ладно, иди.

А что, разве Митька искал легкой жизни? Разве у конюха забот никаких? Работы — не переделаешь, хоть вертись от темна до темна.

Пришел как-то председатель, походил, посмотрел, похвалил Митьку: молодец! Не зря, мол, ты тут. Порядок у тебя полный. Спасибо, Митька. Нынче же, говорит, напишу отцу на фронт про твое трудовое прилежание, порадую солдата...

Кони напились, вышли из реки, отфыркиваясь и поматывая головами. Митька смотрел на их лощеные бока и улыбался своим мыслям: наверное, тятка уже получил председателево письмо и нынче дал ответ. Рад, поди, тятка-то! Как-никак, а «спасибо» у нашего председателя не шибко скоро заработаешь.

Лошади начали быстро разбредаться по луговине. Митька сразу встряхнулся, крикнул весело и звонко:

— А ну, вали домой! А ну, живей! Ишь ты — баловать! — И погнал табунок на конюшню.

Урвав свободную минуту, Митька прибежал домой почитать тяткино письмо и попутно перекусить малость. Вошел в избу и обомлел: мать, почерневшая, простоволосая, сидела и немигуче глядела на бумажку, что лежала на столе. Митька крикнул от страха:

— Мам, ты что?! Мам...

Она даже не шевельнулась. Митька бросился к столу: чужое письмо. И все понял...

Он вышел во двор, долго и бездумно ходил, что-то делал, зачем-то проверил петли на калитке, потом пошел в сарай за вилами — зачем? Поискал глазами — не нашел. Тронул свои старенькие некрашенные самодельные лыжи — и сразу, будто в кино, все сменилось. Видит: стоит вот тут, у верстака, тятка и строгает две узкие длинные дощечки, у каждой выбирает посередине желобки. Митька здесь же, смотрит, как тятка мастерит ему лыжи, спрашивает нетерпеливо: «Тять, скоро сделаешь, а?» — «Скоро». — «Когда скоро? Вон уж у Кольки лыжи есть. И у Петьки. Магазиновые». — «Завтра, поди, кончу. Вот прострогаю их, концы запарим, загнем — и катайся в свое удовольствие! Получше всяких магазинных будут».

Митька кидается отцу на шею. Тот шоркает жестким подбородком Митькины щеки, дышит теплым махорочным запахом...

Увидел все это Митька, упал головой на верстачок и затрясся, будто в страшном ознобе.

— Тятка... тятка... Как же так — убили тебя? Как же: нету тебя, а? Нету!.. Нету и больше не будет, а?..

Потянулись дни за днями, тяжелые, горестные. За что ни возьмется Митька — работа из рук валится. Все о тятке думает и страдает, да так, что, кажись, умереть легче. Придет домой, а там и вовсе тоска горло жмет: мать словно каменная. Делает что по хозяйству — молчит, отдохнуть присядет — молчит.

Глянет Митька на маму — страшно станет: не заболела бы, не умерла бы! И начинает тогда говорить с ней обо всем, что в ум взбредет, спрашивать что-нибудь — может, развеселится. А она — «да» или «нет». Да таким голосом отвечает, что Митька бежит в сараюшку и плачет там до хрипоты.

Вечером пришел с конюшни — мамы нет в избе. Вышел во двор. Слышит: кто-то стонет и рыдает в погребке. Прямо все похолодело внутри — мама! Забралась туда, чтобы никто не видел и не слышал, как ей тяжело...

Совсем неведомо стало Митьке, закусил губу до боли: хватит. Хватит смотреть, как мучается мама, да и самому довольно плакать и сжимать бесполезно кулаки: фашисту

наплевать на все это. Надо бежать на войну и бить, бить проклятых.

Он написал маме записку, чтобы знала, собрал в котомку кой-каких харчишек, надел отцову стеганку, сапоги и ушел.

3.

Очнулся Митька от сильного толчка, лязга и грохота — крепко тормознул машинист. Выпростал голову из соломы: в окна и дверную щель уже пробивался серый предутренний свет. Поезд медленно и мягко постукивал на стыках, потом будто нехотя остановился. Сразу стало тихо, словно Митька очутился в глухом погребе. Дождя не было, однако ветер не унялся — свистел в дырках.

Станция или разъезд? Встать и посмотреть Митька побоялся — не увидел бы кто, не ссадил бы с поезда. А в общем-то не все ли равно, что там, за стенкою теплушки. Его интересовала одна Узловая, а до нее, он знал, доберется лишь к вечеру.

Вдруг к вагону, откуда ни возьмись, прибухали торопливые шаги. Кто? У Митьки во рту сразу высохло, кровь в висках застучала. Через секунду в теплушку влетел и упал на пол небольшой мешок, звякнув чем-то железным, а за ним в проеме показалась голова. Кто-то лез в теплушку, сопел и кряхтел от усилий. Наконец, взобрался, упал рядом со своим мешком и затих. Задвигался, когда поезд уже набрал скорость.

Митька быстро успокоился: бояться незваного не надо — такой же «заяц», как и он сам. Поэтому шумно сбросил с себя солому и сел. А незнакомец, словно ему воткнули шило, взвизгнул и шарахнулся к противоположной стене.

Митька даже усмехнулся — здорово поднапугал мужика! Сказал приветливо:

— Не бойся. Айда сюда. Тут солома.

Незнакомец неуверенно подошел, прихватив свой мешок. Рассмотрел Митьку, сразу успокоился.

— А!.. Я думал — охранник... — И сел на солому, опершись спиной о стену. Мешок положил между ног.

Митька с любопытством уставился на незнакомца. К удивлению, тот оказался никаким не мужиком, а парнем, всего лишь года на два, от силы на три постарше Митьки. Митька поразился: вот повезло! Вдвоем-то лучше.

— Куда едешь? — спросил Митька.

— До Узловой. А ты?

— Тоже. Тебя как звать-то?

— Сергей.

— А меня — Митька. Демин Митька.

Сергей повертел головой, принюхиваясь.

— Ну и воняет здесь!

— Зачем «воняет»? Коней перевозили. Хороший запах, люблю...

Уже совсем развиднелось. По краю земли заалела нежная полоска — вот-вот выкатится солнце...

У Сергея маленькое лицо в крупных веснушках, губы тонкие, длинные, сжаты накрепко, глаза зеленоватые, какие-то беспокойные. Он хоть и постарше Митьки, а в плечах, пожалуй, поуже, и кисти рук тонкие, белые: видать, не знали грязной и тяжелой работы.

Сергей скосил на Митьку глаза, спросил подозрительно:

— Ты чего рассматриваешь меня, будто купить собираешься?

Митька смутился.

— Да я просто так... Для знакомства.

Сергей вздохнул тревожно, трудно:

— Не накрыли бы нас — днем опасно. Оперативники, как волки, рыскают по товарнякам, вынюхивают: не едет ли кто? Чуть что — в милицию... Эх, только бы до Узловой добраться! Потом — ищи-свищи. Там посвободней, говорят...

— Это куда посвободней?

— На Урал мне надо.

— Ого! — мотнул головой Митька. — Не близко. А зачем туда?

Сергей кинул на Митьку быстрый, настороженный взгляд, будто раздумывая: стоит ли

говорить? Встретил синие Митькины глаза, спокойные, доверчивые, и снова вздохнул, теперь уже как-то по-старушечьи тоскливо и жалобно. И голос у него вдруг изменился, стал тоже тихим, печальным.

— Дай-ка закурить, Митя...

Митька прямо-таки огорчился, развел руками:

— Нету, Серьга... Не курю.

— Ну, ладно... Может, наскребу крошек...

Он скрутил папироску, чиркнул самодельной зажигалкой и затянулся дымом. И только потом поведал о себе горькую историю...

Он, Сергей, работает счетоводом на элеваторе, живет, прямо сказать, не сладко, да Митька и сам это видит по его одежке. Были у Сергея кой-какие деньги, да все ушли на похороны: месяца два назад умерла его мать. Отец? Он с первых дней на войне, и ни слуху ни духу от него. Остались они вдвоем — Сергей и сестренка. Ей всего одиннадцать лет. До этого жили плохо, а после смерти матери и того хуже. Сергей с утра дотемна на работе, а за девчонкой присмотр нужен, к школе готовить, есть-пить добывать, к зиме то-сё купить. Измучился, измотался, хоть плачь... Что делать дальше, как быть? Решил, наконец, отправить сестру к бабушке в деревню, на Урал. Отправил. А вчера письмо получил — заболела сестренка. Тяжело заболела, просит, умоляет Сергея приехать. Он даже не сказал на работе — сразу на вокзал, сел на первый попавшийся товарняк...

— Да-а, худо, брат... — сказал Митька дрогнувшим голосом. А потом участливо: — Может, поешь, а? — И, не дожидаясь ответа, схватился за котомку.

Сергей не отказался. Митька раскрыл котомку, пододвинул к нему. Сам взял кусочек хлеба и принялся есть, как на станции, медленно и бережно, чтобы ни крошки не упало. Сергей ел молча и жадно — крепко, видать, изголодался парень. Тяжело было смотреть, как он глотал почти не жеванное, натужливо вытягивая тонкую шею, как дергался на ней острый кадык, как расширились глаза, когда кусок проходил особенно туго...

Наконец Сергей наглотался досыта, снова полез в карман за табаком, а Митька не спеша принялся увязывать полегчавшую котомку.

— Ну, а ты куда направился? — спросил Сергей, выпустив дымок.

— Я-то? На фронт.

У Сергея брови поднялись, протянул изумленно:

— На фро-онт?! Ты что, сдурел?

— Почему сдурел? — обиделся Митька.

— Как же ты доберешься туда?

— Доберусь. От Узловой прямая дорога. Где на поезде, где, авось, на попутных машинах. А нет — пешком пойду.

Митька медленно, с большим усилием заговорил про то, как они получили письмо от командира, как чуть не пропали с матерью от горя, как он решил бежать на фронт.

Сергей слушал Митьку и смотрел на него неподвижным взглядом, в котором перемешались и удивление, и робость, и еще что-то такое, чего враз не назовешь. Произнес малость погодя:

— Повидаюсь с сестренкой и тоже махну в армию...

И замолчали надолго, думая свои думы.

4.

Поезд шел, казалось, как вздумается машинисту: то мчался — столбы не сосчитаешь, даже большие станции напроход проскакивал, то полз еле-еле, останавливался чуть ли не у каждого семафора, а то и просто у столба.

Митька стоял возле дверей, задумчиво глядел на пробегающие убранные поля, на желто-оранжевые перелески, на темные речушки и серенькие избы деревень, и тоска сжимала сердце: как там мама?..

Погода будто устанавливалась: ветер приугас, нет-нет, да и появится солнце, прорвавшись между черных лохматых туч. Однако было прохладно.

Сергей спал, подложив свой мешок под голову. Он съежился весь, натянул на голову пальто и все равно подрагивал — ни солома, ни эта дряхлая демисезонка не грели его.

Митька долго раздумчиво глядел на Сергея, потом решительно скинул с плеч свою стеганку, накрыл ею Сергея. «Ладно, пусть часок поспит как следует, а я, небось, не окочурюсь». И снова встал у двери.

Стучат колеса, мотается теплушка, как пьяная, все дальше и дальше увозит Митьку от дома. А он волнуется, нетерпеливо смотрит вперед — скорей бы Узловая! Ему все кажется, что эта езда до Узловой какая-то бесполезная — уже вон сколько проехал, а к фронту ни на шаг не приблизился. Другое дело от Узловой — там каждый километр к цели.

Впереди, между кущами высоких и развесистых деревьев, покраснели кирпичом дома какого-то полустанка. Поезд не сбавил ход. За будкой стрелочника под небольшим откосом стояло трое мальчишек. Они, беззвучно смеясь и переговариваясь, били по вагонам гальками. Когда Митькина теплушка поравнялась с ними, один из мальчишек ловко угодил крупной галькой прямо в открытую дверь. Митька едва успел отшатнуться. Галька бухнула о противоположную стену.

Сергей вскочил на ноги, вскрикнул:

— Что это?!

Митька впервые за много дней засмеялся.

— Из пушки бьют!..

Сергей сел в своем углу, бросил зло:

— Чего зубы скалишь? Спросонья черт знает что может показаться.

— Да ты не обижайся, — сказал примирительно Митька. — Уж больно смешно получилось... Спи давай. Чуть что — разбужу.

Сергей долго сидел молча, потом сплюнул досадливо.

— Пить хочется, прямо горит внутри. Митька согласно кивнул:

— Хорошо бы холодненькой, а еще лучше кипяточку... Погоди, авось подвернется случай.

Сергей вздохнул тяжело, встал, подошел к Митьке.

— Ты бы, Митя, поменьше торчал у двери. Вдруг заметит тебя какая-нибудь дрянь на разъезде да сообщит по телефону на первую остановку. Не успеешь подъехать, как оперативники набегут. Поосторожней бы надо.

Поезд вдруг сильно сбавил ход. Не подъезжает ли к станции? Митька высунулся из теплушки. Дорога здесь делала крутой поворот и впереди, кроме пяти-шести вагонов да голой степи, ничего не было видно. Опять машинист вздумал возле какого-нибудь столба постоять.

— А, черт! — ругнулся Митька, когда поезд в самом деле остановился. — Так и за сутки до Узловой не доедешь... — Но тут же вдруг воскликнул обрадованно: — Серьга, гляди-ка — речка!

Теплушка не доехала всего каких-нибудь метров двадцать до небольшого мостика, под который убегала петлистая узенькая речушка.

— Вот тебе и случай! Айда напьемся?

Сергей замялся: и пить хочется, и вагон покидать боязно. Тронул Митьку за руку:

— Мить, слетай ты, а? Ты попроворней.

Митька удивленно развел руками.

— Да в чем я тебе воды принесу? Во рту?

Сергей засуетился:

— У меня есть. Сейчас... — И торопливо принялся развязывать свой мешок. Вынул оттуда котелок с крышкой. — Не в службу, а в дружбу...

Митька взял котелок, открыл и закрыл крышку, не мешкая выпрыгнул из теплушки и бегом спустился по крутой насыпи к речке.

Только напился, только снова зачерпнул воды — поезд дернулся.

Сергей замахал руками, как сумасшедший:

— Беги, беги! Быстрее! Давай котелок!

Но пока Митька взбирался на сыпучую насыпь, теплушка с Сергеем уже укатилась за мост. Митька растерянно забегал то в одну, то в другую сторону. Что делать? Оглянулся назад: нет ли тормозной площадки? Нет. А вагоны все быстрее бегут мимо и жадно сплываются крутым поворотом.

Митька метнулся к концу поезда, увидел вдалеке ступени. Высоко, черт! Не промахнуться бы!.. Побежал, едва догнал площадку, ухватился за поручень. Напрягся, собрав все силы, влез на ступеньку, поставил котелок. Теперь — все! Теперь Митьку и клещами не сорвешь отсюда!

Другая беда — холодно. Ветер, кажется, сквозь тело продувает. За несколько минут Митька совсем ооченел. Уселся поудобней, съежился в комок. «Ладно, авось не пропаду до остановки!»

5.

Сергей сосредоточенно жевал, когда Митька, поставив на пол котелок, взобрался в вагон. Сергей ошалело глянул на него:

— Ты?! Ну и ну!

На нем была Митькина стеганка, меж ног — развязанная котомка: Сергей доедал последний кусок хлеба и огурец. Митька молча смотрел то на Сергея, то на свою пустую котомку, и брови его медленно сдвигались к переносью. Наконец произнес, усмехнувшись:

— Однако, быстро ты... Небось, даже обрадовался, что я отстал?

Сергей покраснел, нахмурился:

— Брось ерунду болтать! Просто жрать захотелось. Пожалел, что ли? У меня есть немного хлеба — отдам.

Митька махнул рукой:

— Ладно уж, пей вот! А куфайку снимай — промерз я.

Сергей торопливо скинул стеганку, припал к котелку.

— Ух, хорошо! Прямо от сердца отлегло... Спасибо, Митя. — Но вдруг испуганно округлил глаза. — Тебя никто не заметил, когда лез в вагон?

— Не знаю. Не оглядывался. Не до того было.

Сергей совсем расстроился:

— Ну как же ты, а? Ведь если увидели — конец!

Он беспокойно поднялся, подошел к двери и осторожно выглянул из вагона. На путях, видимо, было все спокойно, да и поезд, дернувшись по-сумасшедшему, покатился со станции.

— Ну вот, — сказал Митька, — зря ныл.

Он сидел в углу на соломе и, пытаясь согреться, тихонько дышал себе в ладонь. Сергей несколько раз глянул на Митьку, потом произнес дружески:

— Чего молчишь-то? Обиделся, что ли? Плюнь! Давай-ка лучше закурим. Нашел еще немного табачку.

Митька протянул руку:

— Черт с ним, авось степлею.

Сергей обрадовался, зашарил в карманах, достал клочок мятой бумажки, разорвал напололам, одну половинку Митьке дал, в другую себе сыпнул табаку. Митька непослушными пальцами принялся неумело крутить папироску, но она никак не получалась. Сергей уже и прижег, и накуриться успел, а он все еще мусолил папироску, пока не лопнула бумага и не просыпался табак.

Сергей рассердился.

— Калека! Не умеешь — попросил бы меня. Последний рассыпал!

Митька добродушно усмехнулся и хотел было выбросить бумажку. Однако задержал в руке — там было что-то написано. Поднес ближе к глазам: «Сорокину Серг... явиться на... 28 сентября 1942 г...»

— Это куда тебе надо было вчера явиться? — заинтересовался Митька.

Сергей поперхнулся дымом:

— Что? Как куда? С чего взял?

Но увидел у Митьки клочок бумажки, побледнел.

— Отдай!

Митька еще не успел ничего подумать, как Сергей рванулся к нему и вырвал из пальцев бумажку. Они несколько секунд смотрели друг на друга: Сергей настороженно, с

затаившимся страхом, Митька остро, напряженно, соображая что-то.

Наконец, Сергей засмеялся деланно:

— Вот ведь ерунда какая...

Но Митька уже все понял: это повестка о призыве в армию. Таких бумажек он вдоволь насмотрелся, когда Пахомыч каждую неделю вручал их парням и мужикам.

Митька поднялся, выдавил глухо:

— Так вот ты кто. Бежишь, значит?

Сергей отступил на шаг.

— Чего выдумываешь, чего плетешь? Ведь знаешь, куда еду. — Но, взглянув в Митькины холодные, выветленные ненавистью глаза, надломился, заговорил жалобно, торопливо, сглатывая слова: — Ведь пропаду... Не выдавай... А, Мить?.. Вовек не забуду...

Митька медленно шел на Сергея, не сводя с него глаз, цедил слова сквозь сжатые зубы:

— Значит, наши воюют, а ты бежать, да? Наших убивают, а ты на Урал прятаться, да? Бедненьким прикидывался? Пальтишко дряхленькое напялил? Жалостную сказочку придумал?

Сергей, совсем растерявшись, молча отступал от Митьки, и только когда уперся спиной о стену рядом с дверью, выдавил:

— Кончай, слышишь? Отойди. Ударю.

Но Митька словно оглох, надвигался и надвигался на Сергея, тесня его теперь вдоль стены. Глаза все те же: холодные, страшные, беспощадные, и слова — будто камни:

— Гад! Сволочь! Убить тебя, как фашиста!

Сергей вдруг схватил мешок, вскрикнул по-заячьи и выпрыгнул из вагона.

Он упал удачно. Вскочил, погрозил Митьке кулаком.

— Паскуда! — выругался Митька и отвернулся. Вдали уже были видны дымные трубы Узловой...

1970 г.

Лошадка

В те дни, когда Илья Павлович приезжает погостить на дачу, тихая однообразная жизнь сразу обрывается, как старая кинолента, и начинается радостная суматоха: папа бежит в магазинчик, мама разжигает керосинку, тетя Софа и тетя Люся вдруг принимаются громко разговаривать и смеяться. Ухватив Илью Павловича за руки, они тянут его в разные стороны, будто хотят разорвать на две части.

— Идемте на реку, — говорит тетя Софа.

— Нет, пойдете по ягоду, — зовет тетя Люся.

Илья Павлович хохочет и, изображая маленького капризного мальчишку, садится на землю, чтобы его никуда не увели.

Он шумный, веселый и щедрый. Для любого у него припасены шутка и улыбка. Тетя Софа его называет милым, обворожительным человеком, а тетя Люся — добрым гением.

Илья Павлович никак не может обойтись без подарков. Пойдет в лес — зеленых шишечек наберет, бусы сделает, согнется в шутливом поклоне:

— Примите, Людмилочка. От зайчика. Нынче встретил меня, шепчет: отнеси самой прекрасной из женщин...

С реки несет гроздья калины, сплетенной в венок.

— Это корона лесной царицы. Она очень к лицу вам, Софочка.

На даче полно разных цветов, но никто почему-то ни разу не догадался дарить их друг другу. А Илья Павлович каждому сорвет цветочек, да так умеет вручить, будто в его руках бриллиант Великий Могол. И маме тоже.

Мама смущается, смеется радостно, прижимая руки к груди:

— Спасибо, Илья Павлович, большое спасибо. Мне-то за что такую прелесть?..

Странная! Могла бы целую охапку этих цветов нарвать — ведь сама их садила и до сих пор каждый вечер поливает...

Илья Павлович всегда привозит какую-нибудь новую, веселую игру, тащит всех на большую поляну, и до самого вечера там не утихают шум, беготня, хохот и визг. А вечером на веранде ужин.

Илья Павлович любит выпить водочки. Каждую рюмку он сопровождает смешными тостами, ест неторопливо, смачно, похваливая мамины закуски. Глядя на него, хочется съесть целого быка. Ножи и вилки звенят долго, потому что у Ильи Павловича славный аппетит и потому, что он рассказывает много интересного.

— Вчера приятеля встретил. Парень — оторви ухо. Сообщил: в универмаг привезли болоньевые плащи. Обещал достать мне парочку. Для вас, Софочка, и для вас, Людмилочка...

Или:

— Есть возможность приобрести туфли с тупым носком. Сейчас это — крик моды. Кому нужно — не стесняйтесь. Вы все для меня — как родные.

Тетя Софа и тетя Люся охают, ахают и наперебой благодарят Илью Павловича за внимание и беспокойство.

Папе Илья Павлович уже приготовил и в следующий раз привезет шестицветную заграничную шариковую ручку, которую он «при случае у одного пилота прикупил». Маме тоже будет подарок. Какой? Это пока секрет.

Не забывает Илья Павлович и про Петю. Он обещал ему купить электровоз с моторчиком, действующим от батарейки, воздушный пистолет, подъемный кран, заводной гоночный автомобиль... А сегодня Илья Павлович был особенно добр.

— Ну что, Петушок, уже научился кукарекать? Молодец. Вот приеду в следующую субботу — лошадку тебе привезу. Большую. Лошадку-качалку. И шашку. Как Чапай будешь. Хочешь?

У Пети от радости даже сил не оказалось ответить. Он лишь молча и крепко прижался своей белой, славно одуванчик, головой к мягкому боку Ильи Павловича.

— Ну вот, считай, что конь-огонь уже в твоей конюшне.

В эту ночь Петя долго не мог уснуть — думал о лошадке и шашке. Ничего в жизни он так сильно не хотел, как лошадку-качалку и шашку. И еще бы буденовку с большой красной звездой...

Ворочается Петя на койке, сбивая в комок простыни, и мечтает, как верхом на лошадке он вымчится на тропинку, где растет высокая ядовитая крапива, и начнет шашкой рубить ее, лютого врага. А когда Петя уснул, все, о чем он мечтал, приснилось ему и было еще интересней и прекрасней...

Назавтра в полдень все, как и прежде, пошли провожать Илью Павловича на станцию. Он продолжал шутить и смешить всех. Даже когда вошел в вагон, выглянул из окна и сказал что-то такое, что тетя Люся и тетя Софа насилу отдышались от смеха. Они до самой дачи ойкали и постанывали: не могли успокоиться.

На даче снова стало тихо. Народу почти никого — все на работе. Петя мыкается то по комнатам, то по двору и терпеливо ждет субботы. Но дни тянутся так медленно... Кажется, эта неделя никогда не кончится и Илья Павлович больше не приедет.

В пятницу Петя лег спать, еще когда солнце было высоко, — так ему хотелось, чтобы побыстрее проходили день и ночь. Ведь завтра, когда он проснется, будет уже суббота.

И вот она пришла!

Илья Павлович приехал с первым поездом, и, едва вошел во двор, сразу началась веселая суматоха: папа побежал в магазинчик, мама принялась разжигать керосинку, а тетя Софа и тетя Люся опять пробовали разорвать Илью Павловича на две части.

Петя тоже бросился к Илье Павловичу, но на полдороге остановился: в его руках, кроме большого пuzатого портфеля, ничего не было. Губы у Пети дрогнули и в глазах заискрились слезы. Но он не заплакал. Подумал: а вдруг лошадка складная и лежит себе в портфеле?

Ведь даже кровати и столы бывают складные да разборные, а лошадку разборную сделать — раз плюнуть. Подумал Петя так, вытер кулачком глаза и повеселел. Он играл и пел со всеми вместе и ни в чем не отставал от Ильи Павловича — бегал, прыгал,

хохотал.

— Милый Илья, — сказала мама, — вы просто чудо! При вас даже Петя оживает. Всю эту неделю он был такой вялый, такой угрюмый. Я уже забеспокоилась, думала: не заболел ли. А вы приехали, и вот... Нет, вы — чародей!

Петя прыгал, смеялся, пел, а сам все время думал: когда же Илья Павлович откроет свой портфель и отдаст лошадку и шашку? После обеда? Или вечером? Но прошел обед, прошел вечер, и все, утомленные за день, попадали спать.

Петя снова ворочался, сбивал в комок простыни и успокаивал себя: Илья Павлович отдаст лошадку завтра. Конечно, завтра. Сегодня ему было просто некогда, а завтра...

Провожали Илью Павловича всем скопом, весело и шумно. Лишь один Петя был тихим и грустным.

На перроне было уже полно народа, вскоре пришел поезд. Илья Павлович стал прощаться и каждого обещал чем-то удивить в следующую субботу. Увидел Петю, потрепал его волосы.

— Ну, Петушок, прощай и ты. Чего приуныл? Жаль расставаться? Ничего, скоро приеду и привезу тебе самолет. Не какой-нибудь, а летающий. Хочешь?

— И лошадку привезете, и шашку? — доверчиво спросил Петя.

Илья Павлович, все еще широко улыбаясь, удивился:

— Какую лошадку и шашку?

— А ту, что вы в прошлый раз обещали?

— А-а!! Совсем памяти не стало... Ну, конечно же, привезу. Обязательно!

— И электровозик, и пистолетик, и подъемный кран, и автомобильчик, и...

Мама покраснела, крикнула сердито:

— Петя, перестань! Как тебе не стыдно!

Папа схватил Петю за руку, дернул к себе и вдруг больно шлепнул по попе.

Илья Павлович будто ничего этого не заметил, все так же улыбался, все так же шутил, а тетя Софа и тетя Люся смеялись еще громче обычного.

— Ну мне, пожалуй, пора, — сказал Илья Павлович и вскочил на подножку вагона. — До скорой встречи!

Больше Илья Павлович не приезжал.

1970 г.

Гости

— С днем рождения, сынок, — сказала мама Альке, когда он проснулся. — Вот тебе подарки. Это от меня, это от папы, а это от бабушки.

Обцелованный, ошалелый от радости, Алька торопливо раскрывал коробку за коробкой и каждый раз восхищенно выкрикивал:

— Ух ты!.. Ух ты!!

Ему очень понравились подарки бабушки и мамы — большая сверкающая юла и дудка. Но больше всего — ракетная установка, которую подарил папа. Это была сила! На зеленом военном автомобиле лежали две желтые с черными носами ракеты, на кабине, выставив вперед рога, стоял радиолокатор, позади, на узенькой панельке, находились разноцветные кнопки. Нажал Алька синюю — завертелся локатор, нажал зеленую — ракеты с глухим рокотом стали медленно подниматься, нацеливаясь в потолок, нажал на красную — и они, одна за другой, вдруг с шумом ринулись вверх. Первая прошла мимо, а вторая угодила прямо в стеклянную люстру. Та жалобно дзинькнула и закачалась. Алька прямо-таки обалдел от восторга, закричал:

— Есть! Гроб фашисту!

Мама сначала перепугалась, а потом рассердилась на папу.

— Ну вот! Я же просила: не покупай эту, как ее, пушку. Сейчас начнется! Сейчас все стекла в доме — вдребезги... Или кому-нибудь глаз вышибет.

Папа усмехнулся.

— Этой-то игрушкой?! Ерунда. Не покупать же ему куклы. Ведь он — мужчина. Будущий

солдат. Верно, Алька?

Алька гордо сказал:

— Верно. Я буду пиратом.

Мама засмеялась, сразу почему-то успокоилась и поцеловала Альку.

— Ладно, пират, иди одевайся. Да поживее. Скоро гости придут.

Алька ловко натянул штанишки и рубаху, еще ловчее всунул ноги в сандалии, схватил ракетную установку и бросился к двери.

— Ты куда? — крикнула мама.

— Я сейчас... Тут вот... К Коське я...

Коська — лучший Алькин друг. У него большие уши и конопатое лицо. Он серьезен, рассудителен и смел. Мало кто из ребят решится, например, вечером спуститься в захламленный и заросший высокой крапивой овраг, что тянется вдоль пустыря за домами. А Коська лазил, и не раз. Он и подраться может, особенно когда обижают его друзей. Вот почему у него всюду синяки и вечные царапины.

Алька увидел Коську у ручейка, вытекавшего из водоразборной колонки. Он был весь заляпан грязью. Комки ее чернели даже на голове и на ушах.

— Перегораживаю вот, — сказал Коська, увидев Альку. — Наберется много воды, лодки будем пускать.

Рядом с ним стояла такая же грязная Катька — верный Коськин товарищ. Она была очень тоненькой. И все у нее было тоненьким: и руки, и пальцы, и шея, и желтые косички, и даже голосок. Только одни глаза были большие и какие-то удивленные.

— Поглядите-ка, что у меня, — выкрикнул Алька и показал ракетную установку, которую держал за спиной.

Коська не спеша подошел к Альке, вытер руки о штаны.

— А ну, покажь.

Катька тоже шагнула к Альке, также отерла ладошки о платье и повторила, как эхо:

— Покажь...

Коська долго осматривал игрушку, щупал, вертел и даже зачем-то понюхал, потом прищелкнул языком:

— Знатная штучка.

Катька осторожно тронула пальчиком машину, сказала тихо:

— Знатная штучка...

— Папа купил. Сегодня мне — пять лет. И дудку купили, и юлу. Скоро придут гости и, наверно, еще что-нибудь принесут.

Коська заявил солидно:

— Гости — это хорошо. Они такие — несут. Мне нравится, когда гости.

Катька подтвердила:

— Они такие... И конфеты несут.

Алька показал Коське и Катьке, на какие кнопки надо нажимать, чтобы заработал локатор, чтобы полетели ракеты. Потом они все по очереди стали стрелять в цель — в Катькин бумажный кораблик, который плавал в лужице.

В самый разгар игры мама позвала Альку домой. Она стояла возле калитки и махала ему рукой.

— Живей, живей, мы тебя ждем.

Алька обрадовался.

— Наверно, гости пришли. Побегу.

Коська с сожалением отдал Альке ракетную установку, вздохнул:

— Эх... Поиграли бы еще.

— Поиграли бы... — вздохнула и Катька.

— Потом, — сказал Алька. — Ты, Коська, приходи ко мне в гости.

Коська насупил редкие белесые брови, ответил с достоинством:

— Я уж конечно... И Катьку с собой возьму. Она — молодец.

Катька на этот раз ничего не сказала, только шмыгнула носом да переступила тонкими грязными ножками.

Алька побежал домой.

— Мам, зачем звала?

Мама, словно она играла с кем-то в пятнашки, металась по кухне от стола к холодильнику, от холодильника к плите, от плиты снова к столу, выкрикнула на ходу:

— Вы меня с отцом загоните в гроб: один, видите ли, важным делом занялся — газету читает, другой исчез, не знаю куда. А я разрываюсь, а я готовь, а я еще и разыскивай тебя!.. Иди переодевайся. Немедленно. И из дома — ни шагу. Сейчас придут гости.

Они стали появляться через полчаса — разодетые, надушенные, раскрашенные. И все ради него, Альки. Первыми пришли огромный усатый Иван Петрович и тощая носатая тетя Ньюша.

— Где он, виновник торжества?! — замерел еще с порога Иван Петрович. — Ах, вот он! Здорово, Альберт. Смотрите-ка, каков крепыш, каков силач! Сколько лет? Пять? Ого, совсем большой. Ньюша, а ну, что ты там принесла нашему дорогому имениннику?

Тетя Ньюша вручила Альке большую плоскую коробку, перевязанную голубой лентой, и долго мяла Альку жесткими острыми пальцами.

Потом пришла пухлая и мягкая тетя Рая. Она осторожно обняла Альку и вдруг прослезилась:

— Ах, только глядя на наших детей, я могу представить, насколько мы постарели...

А гости все шли и шли. И все они бросались к Альке, будто никогда не видели, вручали игрушки, кульки с конфетами, плитки шоколада, а потом хватали его, гладили, поднимали, подбрасывали к потолку и целовали, целовали...

Алька совсем разволновался от ласк и подарков. Он лънул к каждому, полный самой горячей любви. Все эти люди, которые собрались сегодня к нему на праздник, были, конечно, самыми добрыми, самыми лучшими. Он рассказывал им про то, как нашел в саду под кустом маленькое гнездышко с голубенькими яичками, как охранял его, чтобы никто не разорил, про то, как они с Коськой лазили на чердак и увидели там черную ушастую летучую мышь и нисколько не испугались, потому что Коська вообще никого и ничего не боится.

Гости слушали Альку, улыбались и ахали удивленно. А он, воодушевленный вниманием, собрался уже показать свою ракетную установку и рассказать, как они с Коськой метко били ракетами Катькин кораблик, да вдруг, словно выстрел, хлопнула вылетевшая из бутылки пробка.

И всё мгновенно переменялось. Люди сразу встали, заходили, задвигали стульями, оживленно заговорили о чем-то своем.

Алька остался один на диване. Он растерянно смотрел на поднявшуюся суматоху, не понимая, что случилось. Он соскочил с дивана, забежал от одного к другому, просительно повторяя:

— А еще что я скажу...

Но его уже никто не слушал. Выстрел бутылки словно убил у всех интерес и к его рассказам, и к нему самому.

Пухлая и мягкая тетя Рая, когда Алька пробрался к ней, протиснувшись между стульями, тихо и решительно сказала:

— Не балуй, Алик. Нехорошо. Да и платье мне изомнешь.

Алька перешел к тете Ньюше. Но тетя Ньюша подтолкнула его твердым и острым пальцем в спину.

— Иди, иди, крошка. Не мешай нам.

Даже Иван Петрович не обратил никакого внимания на Альку: он с тяжелым сопением грыз куриную ногу.

Алька расстроился и, едва сдерживая слезы, пошел на кухню. Он, может быть, и расплакался бы от обиды, да дверь открылась, и на пороге появились Коська и Катька. Они теперь были немного почище: наверное, умылись из колонки, однако у Коськи по-прежнему чернели комочки грязи на ушах и волосах.

— Пришли вот, — сказал Коська очень важно. — В гости.

— Пришли, — повторила Катька, осматриваясь вокруг удивленными глазами.

— Мы тебе вот что подарим, — и Коська разжал кулак.

На ладошке лежал выдавший виды складешок в форме туфли. Алька затрепетал весь: ничего на свете он так не желал иметь, как этот Коськин ножик. Сколько раз Алька выпрашивал его у Коськи, сколько раз пытался выменять на что угодно, но тот и

слушать не хотел. А сейчас вот взял и подарил...

— Эх, спасибо, Коська! Вот уж спасибо!.. Идемте в комнату, там уже едят.

Они вошли. Мама обернулась и замерла в изумлении, забыв откусить хлеб, который она поднесла ко рту.

— Эт-то еще что такое?

Алька сказал гордо и радостно:

— В гости ко мне пришли. Коська и Катька. Я их тоже пригласил. Они мне вот что подарили, — и он показал ножик.

Гости засмеялись, а мама покачала головой.

— Идемте-ка на кухню, гости дорогие.

Она достала из буфета несколько конфет, дала Коське и Катьке.

— А теперь ступайте.

— Куда? — не понял Коська.

— На улицу. Домой. Куда хотите.

— А ваш Алик позвал нас.

Катька тихонько подтвердила:

— Позвал...

Мама нахмурилась.

— Идите, идите, дети. Нам некогда. Нас ждут гости.

Алька умоляюще сложил руки.

— Пусть они с нами... Пусть, а?.. Мам?..

Мама прикрикнула:

— Иди займись своими игрушками и не выдумывай глупостей. Ступайте, ступайте, ребятки. Вы нам мешаете.

У Альки мелко затряслись губы.

— Пусть они с нами... Пусть...

Мама сердито дернула Альку за руку.

— Перестань. Сейчас же!

Коська тяжело вздохнул и пошел к двери. За ним, оглядываясь, пошла и Катька. А Алька продолжал упрашивать маму:

— Мам, пусть... Хоть немножко, а?..

Он упрашивал, а по щекам катились частые и крупные слезы.

В гостиной играла музыка, кто-то пел, кто-то хохотал, кто-то тяжело топал по полу. Дверь оттуда вдруг отворилась, и вышел папа, держа раздавленную ракетную установку.

— Вот беда, — сказал он виновато, — Иван Петрович наступил нечаянно... Плясал и наступил...

А Алька плакал и смотрел в окно: там по дорожке, держась за руки, медленно уходили Коська и Катька...

1971 г.

Грызунок

Валька стоял на самом носу теплохода, когда на излучине реки показалась Сосновка. Еще издали он увидел на пустом причале тетю Груню. Она, в белой косынке, в длинном темном платье с цветастым передником, прикрыв ладонью глаза, смотрела на теплоход. Валька, словно ветряк крыльями, замахал руками. Тетя Груня увидела, забежала вдруг по краю причала, будто выискивая место поудобней, чтобы прыгнуть в воду и плыть навстречу.

Через несколько минут Валька уже сбегал по жидким сходням на причал из десятка досок. Тетя Груня подбежала, обняла его.

— Большой, совсем большой... — говорила она, торопливо вытирая глаза кончиком косынки. — Довелось бы встретиться где на улице — не признала бы. Совсем мужик. А глаза капля в каплю мамыны... Ну, айда, айда, голубенок, до дому.

Они шли нешироким проулком, полого поднимающимся к центру села, Валька с любопытством вертел головой — все было непривычно и интересно: и огромные огороды, и плетеные из веток заборы, и колодцы с длинными шестами — журавлями, и низенькие закопченные баньки, которые дружно дымились по случаю субботы.

Прямо на дороге бились крыльями, купаясь в горячей пыли, куры. Валька чуть ли не наступал на них, а они хоть бы что: даже не поднимались, только косили глазами да предостерегающе кыркали, широко разевая клювы. Навстречу брел тупомордый ушастый телок. Увидел Вальку, остановился, широко расставив ноги и торчком подняв уши. Валька даже забоялся: не бодаться ли вздумал? Однако телок равнодушно проводил его взглядом и лениво побрел дальше.

Всюду тихо и до странности безлюдно. На главной улице тоже. Даже автомашин нет. Идет Валька, удивляется: словно в другую страну попал.

— А вот и наша изба, — говорит тетя Груня и показывает на зеленую крышу.

Ни самого дома, ни двора не видно — загораживает высокий плотный забор, выкрашенный той же зеленью.

Дядя Тима что-то строгал под навесом у сарая. Оглянулся на стук калитки, заулыбался, пошел навстречу Вальке, широко растопырив руки, будто боясь, что Валька проскочит мимо.

— Ну, здравствуй, племяш, здравствуй! Приехал, значит? Ну-ну...

У дяди Тимы отвислый живот, подхваченный снизу узким ремешком, и тонкий голос, такой же, как у тети Груни. Валька встречался с дядей Тимой один только раз: год назад дядя приезжал к ним в город. Тогда он привез много гостинцев: меду, сушеных грибов, кедровых орехов, а папе — черные лохматые унты. Валька и об орехах забыл, когда увидел эти унты, загоревал даже: себе бы такие! Надеть бы ушанку, свою меховую куртку на молниях, унты да пройтись по городу! Никакой мороз не прошибет, да и вид что надо. Как геолог или зимовщик какой!

Выждал Валька удобный момент, попросил дядю Тиму:

— Сшейте мне тоже унты, а?

Дядя Тима тонко засмеялся, взъерошил Валькин чубчик:

— Что, хороши? Понравилась? То-то... Ладно, Валенсин, постараюсь. У меня уже одна шкурка припасена, авось и другую добуду. А ты вот что: приезжай-ка к нам на лето. Отдохнешь, а заодно и унты с тобой стачаем.

Дядя Тима почему-то называл Вальку Валенсином, и это здорово не нравилось Вальке, прямо-таки оскорбляло и злило. А тут и «Валенсина» никакого не заметил.

— Спасибо, дядь Тима. Приеду...

Приглашения дяди Тимы Валька не забывал ни на день, а про унты и подавно. Они так и стояли в глазах, широконосые, на толстой подошве, с ремешками и блестящими пряжками...

И вот он приехал.

Валька чуть ли не с ходу хотел было заговорить с дядей Тимой об унтах, да постеснялся: вдруг подумает, что он из-за них, из-за этих унтов, специально приехал. Сказал только:

— Хорошо у вас тут...

Тетя Груня обрадовалась этим Валькиным словам, как подарку:

— Так, милый, так. Чисто рай земной — живи да радуйся.

Дядя Тима подтвердил:

— Хорошо. А ежели еще и с умом жить — совсем ладно. — Обернулся к тете Груне. — Давай-ка, мать, накрывай на стол, гость-то наш, поди, проголодался за дорогу.

Тетя Груня принялась хлопотать.

Блины со сметаной, пироги с грибами, глазунья с румяными пластами сала, варенец, топленое молоко с коричневой пенкой толщиной чуть ли не в палец... Валька едва-едва выбрался из-за стола — так наелся. Полежал на траве под черемухой, отдышался малость и пошел шастать по двору да огороду.

Огород ему здорово понравился. Всего полно: и огурцы, и помидоры, и горох, и даже бобы. Это рядом с домом, а дальше растянулись грядки с луком, морковью, редиской, за ними — целое поле картофеля. В низине, в конце огорода, росла капуста, брюква, а по

тыну густо плелась тыква. Как уж ни был сыт Валька, а не удержался — съел морковку и набил полон карман стручками гороха. Так, на всякий случай.

Не меньше огорода понравился Вальке и двор с его сараем, загончиками, клетушками, кладовками. Но самым интересным оказался чердак. Чего там только не хранилось! Всевозможные ящички и жестяные банки с гвоздями, шурупами, болтами и гайками, какие-то железяки и инструменты, сковороды, чугуны, ведра и даже детский велосипед, хотя, Валька знал, у дяди Тимы и тети Груни никогда не было детей.

Пока Валька перебирал да рассматривал все это добро — вспотел, вымарался в пыли и ржавчине: на чердаке было жарко и душно. Когда он собрался уже спускаться, увидел в дальнем углу подвешенный к стропиле сверток. Развернул тряпку, ахнул — шкура! Сразу вспомнились слова дяди Тимы, сказанные там, дома: «Одна шкурка уже припасена». Вот она! Значит, будут унты. Правда, не такие, как у папы, не черные — рыжие. Да разве в этом дело? Пусть любые.

Вальке стало еще веселее и радостней.

Вечером теткин двор ожил: забекал, захрюкал, замекал. У длинных мелких корытец копошилась целая стая уток; в загоне, как голодные тигры, металась три огромные свиньи с длинными хищными рылами; в закутке, в дальнем углу двора, сбившись в кучу, стояли овцы и, словно передразнивая друг друга, противно бекали на разные голоса. В стойке мычала корова, носился, вскидывая задние ноги, мордастый бычок, и всюду сновали смелые до наглости куры.

Посмотрел Валька на эту шумную, беспокойную ораву, качнул головой:

— И все это ваше?

Дяде Тиме, видать, понравилось Валькино удивление, засмеялся тонко:

— А что? Весело, а? Знай разворачивайся, пить-есть готовь.

— Да, — проговорил Валька, — живьем сожрут. Вон, не свиньи — настоящие зверюги. Зачем вам столько всего?

— Вот тебе на! — воскликнул дядя Тима. — Чего придумал! Жить, Валенсин, жить. Чтобы не лезть людям в глаза, как вон Еремеевы али соседка наша Савельиха. Чуть что — дай мучки совочек, одолжи сальца на заправку, али того хуже: дай ей десятку, а то всю четвертную, вишь — поиздержалась...

Глаза у дяди Тимы стали злыми, губы тонкими. Вдруг, ни с того ни с сего, он закричал визгливо, будто это Валька виноват:

— А ты живи по своим возможностям! Не трать больше, чем у тебя есть, вот и не будешь попрошайничать! Да...

Дядя Тима примолк, тяжело дыша, потом произнес уже спокойно:

— А мы не бегаем по людям, нет! Привычки такой не имеем. И все потому, что труда не боимся, сил своих не жалеем. Уяснил, Валенсин, что к чему, а?

Подошла тетя Груня, сказала, что баня истопилась и давно пора мыться.

Валька вошел в тесноватую и задымленную баньку и задохнулся: воздух был сух и горяч. Опустился на низенькую скамейку и тяжело задышал, по-рыбьи открыв рот. А дядя Тима хоть бы что, наоборот — кричал от удовольствия.

Он налил в шайку воды, прихватил веник и полез на полук.

— Возьми-ка, Валенсин, ковш да брызни на каменку.

Валька набрал воды, плеснул на раскаленные камни. Пар ударил, как взрыв, обжигая лицо, грудь, плотку. Валька взвизгнул и отпрянул к стене. Невидимый в пару дядя Тима рассмеялся:

— Давай еще, Валенсин, еще. Лей, не бойся. Да лезь ко мне, похлещемся веничком.

Однако Валька, согнувшись в три погибели, зажав рот и нос ладонью, рванулся в предбанник. Только там он, ошалевший от жары, перевел дыхание.

Нет, пропади она пропадом, такая баня! Пусть другие, если хотят, истязают себя, а ему, Вальке, для мытья и купаний воды в реке хватит.

Спать Валька лег на сеновале — едва упросил тетю Груню постелить там.

Хорошо! Сено свежее, хрусткое, запах — голова кружится. Сквозь щелку в крыше видна звездочка. Смотрит она на Вальку и чуть приметно мигает. Тишина, прохлада... Ах, славно, что он приехал в Сосновку! Завтра надо обязательно познакомиться с ребятами, да в лес по грибы и ягоды, а то, быть может, в чернь, как здесь называют

тайгу.

И с дядей Тимой надо поговорить: пусть побыстрее шьет унты...

Проснулся Валька, а солнце уже высоко. Спустился по лесенке, выбежал во двор — пусто: вся «живность», как говорит дядя Тима, уже разбрелась кто куда. В доме тоже никого. Глянул на стол — записка.

«Валя, детенок, мы ушли на покос. Еда под полотенцем. К вечеру придем. Целую, тетя Груня».

А ниже приписка корявыми буквами:

«Валенсин! Натаскай в бочку из колодца воды. Бочка у сарая. Полную. Уяснил?»

Валька попил молока с пирогом, вышел посмотреть, где бочка, где колодец.

Бочка была большая, потом он высчитал — на тридцать шесть ведер. Колодец находился за избой, в огороде, к нему вела узенькая, утоптанная тропка. Валька заглянул в колодец: неглубокий; постоял, подумал и решил, что времени впереди много, к вечеру успеет натаскать воды.

Прихватив в карман кусок пирога, Валька пошел на улицу. Там, как и вчера, было почти безлюдно: лишь кое-где бегали малыши, да у ворот соседнего дома сидел на скамейке длинноусый корявый дед. Увидел Вальку, остановил сурово:

— Ты чей? Я, кажись, таких еще не видел.

Валька ответил нехотя:

— В гости приехал. К Худояковым.

— А-а, к Грызункам...

Валька обиделся:

— К каким-таким грызункам? Тетя Груня — мамина сестра.

Дед усмехнулся и подобрел:

— Это по-уличному их так кличут... Да ты не обижайся. Вон у меня тоже прозвище есть — Тёрка. Не понимаешь? Видишь, лицо в корявинах? Вот и Терка.

Валька засмеялся: ну чудачки! Взрослые люди, а как маленькие, дают друг другу прозвища!

— А почему они Грызунки?

Дед пожал прямым костлявым плечом.

— Не я давал кличку. Авось, сам узнаешь... Надолго в гости-то?

— На месяц. Только почему-то у вас тут народу мало. Одна малышня.

— Сенокос, паря. Ден через пять все соберутся.

Валька расстроился: пять дней одному — с ума сойдешь от скуки. Эх, не вовремя приехал. Что делать одному столько дней? Только время бить. Лучше бы дядя Тима взял с собой на покос — все веселей.

— Дедушка, а покосы у вас далеко?

— Далече. За вторым лесом. Попервости и заблудиться можно... А ты, паря, вон на горку взберись, ежли скушно, на Раздумье. Видишь эвон, в конце улицы? Красиво там.

— Горка Раздумье? Почему?

— Сказывают, что давным-давно, когда пришли сюда первые поселенцы, здесь, на этой горке-то, они решали, где ставить село. Вот потому и Раздумье.

Через полчаса Валька уже захлеб глотал речной ветер на самом гребне холма. Обернулся — и чуть не слетел с кручи: возле стояла большая рыжая собака с белым пятном на груди и, свесив широкий розовый язык, склонив чуть набок голову, внимательно смотрела на него. Валька, ни жив ни мертв, тоже уставился на собаку, лихорадочно соображая, что делать. А что сделаешь, когда в руках даже паршивой палки нет, а позади обрыв и река? Шевельнул Валька деревянными губами, выдавил чужим, противным голосом:

— Ну, чего смотришь? Не узнаешь, да? Я — свой. Понимаешь — свой.

Собака облизнулась, переступила с ноги на ногу и снова уставилась на Вальку. Валька чуть осмелел.

— Ну, вот видишь, я не трогаю тебя, не бью, и проваливай отсюда. Мотай, мотай, а то возьму да разозлюсь. Плохо будет. Ну?!

Валька, собрав все мужество, отчаянно шагнул вперед. Собака отскочила, снова склонила голову набок и, показалось, хитро подмигнула ему. Валька сделал еще шаг,

собака опять отбежала. Валька повеселел.

— Эх ты, рыжий, напугал меня, а сам, поди, только лаять можешь? Да? Разве такие морды у злых бывают?.. Ты добряк, да? Или прикидываешься?

Собака дружелюбно вильнула хвостом, Валька совсем успокоился.

— Конечно, добряк! Ну, тогда иди ко мне. Иди, иди, не бойся.

Собака в самом деле подошла, встала вдруг на задние лапы, а передние положила Вальке на плечи и лизнула его прямо в глаз. Валька от умиления обнял лохматую башку, прижался к ней щекой и произнес растроганно:

— Ух ты, мой умница. Ух ты, красивенький. Чей ты, такой славненький песик? Как тебя звать?

Собака еще раз ухитрилась лизнуть Вальку, теперь уже в нос и, вырвавшись из его объятий, как пружина, отскочила в сторону. Пока Валька соображал, что это значит, она неожиданно бросилась на него и передними лапами в грудь сбила на траву. Валька растерялся:

— Ты что?! Ты что — сдурела?!

Валька хотел было подняться, но собака снова налетела на него и прижала к земле. Валька увидел вдруг над собой шальные, веселые коричневые глаза, засмеялся, обхватил ее и завалил рядом с собой.

— Вот тебе! Что, думала — у меня силы никакой? Да? погоди, сейчас узнаешь... Сейчас вот ухвачу получше...

И пошла потеха! С шумом, хохотом и лаем. Собака ловко вывертывалась из рук, отскакивала, потом снова налетала. Валька едва успевал отбиваться. Она хватала его за рубаху, за штаны, валяла по траве, а он хохотал и никак не мог изловить ее.

В самый разгар возни, откуда ни возьмись, появился худой невысокий мужчина в очках и соломенной шляпе. В руках у него была толстая суковатая палка. Лицо мужчины показалось Вальке хмурым, недружелюбным. Собака сразу же, оставив Вальку, встала у его ноги, виновато помахивая хвостом. Валька тоже чувствовал себя неважно. Взлохмаченный, запыхавшийся, он быстро встал на ноги. «Сейчас заругается», — подумал он, настороженно уставясь на мужчину.

Но тот заулыбался Вальке, как самому хорошему знакомому.

— Наконец-то, первый гость появился! Я уж заволновался: что такое, думаю, за два дня ни одного хлопца, ни одного помощника?

Валька недоуменно пожал плечами и промолчал. Мужчина подозрительно оглядел Вальку.

— Что, за зиму успели разлюбить археологию?

— Я ничего не знаю, — сказал Валька. — Я только вчера приехал. Из города.

Мужчина обрадовался.

— Тогда другое дело... Ну, что ж, давай знакомиться: Игорь Сергеевич. А ты? Валька? Ясно. Так и запишем — Валя. А где же местные ребята? Почему до сих пор не показываются?

— Все на покосе. Дней через пять только соберутся. Игорь Сергеевич заметно огорчился.

— Ах, вот что... Жаль, очень жаль. Ну да ладно, пять дней — срок невелик. Подождем. Верно?

Он присел на траву, вынул из кармана короткую, сильно необожженную трубку и закурил, густо выпуская дым. Валька тоже сел, поглядывая то на Игоря Сергеевича, то на его веселую собаку, которая лежала в сторонке и хитро шурилась на Вальку.

Игорь Сергеевич оказался добрым и общительным. Он — археолог и за свою жизнь уже немало пооткрыл и раскопал разных могильников и городищ, нашел там и передал в музеи много украшений, оружия, посуды и даже целые скелеты древних людей.

В прошлое лето он вел раскопки здесь, на Раздумье, с небольшой группой студентов. Раздумье, по предположению Игоря Сергеевича, очень интересное место: тут под слоем земли находятся остатки древнего поселения, и раскопки должны принести важные открытия. Правда, в минувший год не удалось добыть ничего особенного, но на этот раз Игорь Сергеевич и его студенты, которые вот-вот приедут сюда, крепко верят в успех.

Валька слушал Игоря Сергеевича, что называется, открыв рот. Он никак не мог

представить и поверить, что здесь, под ним, под густой зеленой травой, когда-то жили люди, даже, может быть, охотились на мамонтов. Больше того, там, на глубине, лежит целое поселение. Нет, в это трудно поверить. Валька сильно стукнул кулаком по земле, зачем-то прислушался, потом, вздохнув, сказал:

— Не может быть...

Игорь Сергеевич засмеялся, взъерошил Валькины волосы.

— Увидишь.

Он встал, выбил трубку. Глянул на собаку, и та мгновенно вскочила, завиляв хвостом. Валька спросил:

— А как ее звать?

— Собачка.

Валька хмыкнул:

— Знаю, что собачка. Имя-то у нее есть?

— Есть: Собачка.

Валька засмеялся:

— Ну и придумали же! Разве это имя? Взяли бы, например, и назвали меня: Человек!

Игорь Сергеевич ответил серьезно:

— Это бы красиво — Человек. Вон, дескать, Человек идет, а? Хорошо. Только, пожалуй, трудно заработать такое имя. — Потрепал Собачку за уши. — Первый раз взял ее с собой, пусть отдохнет от города, узнает, что мир — это не только дома и улицы... Ты не очень занят?

— Нет, а что?

— Хочешь с нами? Вон к тем холмикам? Это — могильники. Мне надо кое-что посмотреть, прикинуть.

Валька обрадовался.

— Хочу. Вы их тоже раскапывать будете?

— Если успеем. А нет — на следующий год.

Чуть ли не до вечера пробродил Валька с Игорем Сергеевичем и Собачкой, слушал рассказы археолога о знаменитых находках в древнейших захоронениях, о жизни людей, которых уже нет тысячи лет.

Солнце давно опустилось за высокие сосны на другом берегу реки, от воды уже потянуло прохладой, а Вальке никак не хотелось расставаться со своими новыми друзьями. Да вдруг вспомнил, что не выполнил наказ дяди Тимы, не натаскал воды в бочку, и заторопился домой.

— Можно, я к вам завтра еще приду?

Игорь Сергеевич даже руками развел:

— Что за вопрос! Конечно же. Рад буду.

— А вы где живете?

— В березнячке. Видишь, вон палатка белеет? Там.

Дядя Тима был не то чем-то сильно взволнован, не то разгневан.

Глянул на Вальку, сказал хмуро:

— Нехорошо, Валенсин: я понадеялся на тебя, а ты — вишь... Скотина не поена...

Валька виновато произнес:

— Забыл, дядь Тима... Да вы не беспокойтесь, я сейчас, я мигом...

— Ну, ну, давай. Это я для порядка. У нас так заведено: сказано — сделано. Уяснил?

— Уяснил, дядь Тима, уяснил, — на ходу выкрикнул Валька, хватаясь за ведро. — Я быстро.

На крылечко вышла тетя Груня.

— Поел бы сначала, Валя!..

Валька лишь рукой махнул: потом.

Было уже темно, когда он вылил в бочку последнее, тридцать шестое ведро. Разогнулся устало, вытер со лба пот, прислушался: на улице ругались. Выглянул: дядя Тима с соседкой Савельихой.

— Уймись, говорю, дура, уймись, — шипел дядя Тима. — А то не погляжу, что баба, — душу вытряхну... Ишь, выдумала что: ее доля! Моя она, поняла? Три года, как моя. Из-за доброты своей не косил там раньше. Нужды не было. Нынче — хватит. Понравилось

чужим-то пользоваться?

Савельиха даже поперхнулась:

— Это я-то чужим пользуюсь? Я?! Да ты не про себя ли говоришь, окаянный? Ведь все село знает, каков ты есть... Грызун ты, Грызун проклятый!

Валька видел, как дядя Тима раза два намахнулся на Савельиху, но ударить не решился, только провыл, словно от боли:

— У-у, вражина вяленая!..

Валька тихо отошел от калитки, полез на сеновал. Вся радость, которая держалась в нем весь день, исчезла. На сердце стало тяжело, будто он совершил какой-то непростительный проступок. Ругань на улице продолжалась. Только сейчас уже о каких-то дровах, которые кто-то наготовил в лесу, а дядя Тима увез к себе. Вскоре к их голосам прибавилось еще два или три, и поднялся такой тарарам — настоящий базар.

Валька прикрыл ухо подушкой и принялся вспоминать о Собачке, об Игоре Сергеевиче, его рассказы. Неужели и ему, Вальке, привалит счастье участвовать в раскопках и увидеть собственными глазами глубоко под землей следы древнего человека!..

Внизу вдруг послышался тихий и грустный голос тети Груни.

— Валя, ты не спишь? Иди поешь, милый...

Валька не откликнулся: пусть тетя думает, что он спит. Есть давно расхотелось, да и спускаться с сеновала желания не было. Тетя еще раз окликнула Вальку, протяжно вздохнула и ушла. А он повернулся на другой бок, чтобы малость подумать, помечтать, и заснул незаметно.

На другой день, до обеда, Валька помогал дяде Тиме пилить дрова, колотить и складывать их в длинные поленицы за сараем. Дров было много, хватило бы, пожалуй, на три зимы, но дядя Тима мотал головой:

— Маловато... Кубометров бы еще пяток-десяток... Не помешали бы... Запас, он карман не отягчает. Верно говорю, а?

Дядя Тима гоношился, бодрый, веселый, говорливый. Вчерашнего скандала будто и не было вовсе.

— Сенца вот наскребем и тогда — приходи зима, не страшно. Тогда: живи — не тужи. Верно говорю, Валенсин?

— Верно, — сказал Валька и неожиданно для самого себя спросил: — А унты, дядь Тима, мне сошьете?

Дядя Тима вдруг заливисто захохотал, крепко ударив себя ладонями по вислому животу.

— Не забыл, а?! — удивленно выкрикивал он. — Ну, память! Это — по мне. Правильно, Валенсин, так и надо. Коли обещано — не упусти. Из зубов вырви, но возьми... Стачаю, племяш, обязательно стачаю. Вот управимся малость по хозяйству и — возьмусь.

И снова засмеялся, хлопнув Вальку по плечу.

— Молодцом, племяш!..

После обеда дядя Тима собрался на покос, куда еще до солнца ушла тетя Груня.

— А ты давай хозяйствуй да про бочку не забывай. — Подмигнул Вальке. — Долг, он платежом красен. Уяснил?

На этот раз Валька не стал откладывать дело на «потом». Как только дядя Тима вышел за калитку, он взялся за ведра, а уже через час-полтора бодро шагал к Раздумью. Едва он выбрался из кустов на поляну, где стояла палатка, навстречу вымчалась Собачка. Валька обрадовался ей, как лучшему другу, схватил, обнял и даже поцеловал в холодный нос. Собачка тоже, видно, была рада: скакала вокруг Вальки, ласково покусывала его руки и снова пыталась свалить на землю. Но Валька был настороже и ловко увертывался от Собачки.

Наконец, утомившись от возни и солнца, Валька сам бросился на траву, подтащил к себе за лапу Собачку.

— Ну, что язык вывалила? Умаялась? Ложись вот рядом, отдохнем.

Собачка легла и, как она это здорово умела, хитро прищурилась на Вальку.

— Ишь ты какая. Может, ты и разговаривать умеешь, а? Ну-ка скажи: Валька. Что скалишься? Повторяй: здравствуй, Валька...

— Здравствуй, Валька, — раздалось над самым ухом.

Валька вздрогнул, оглянулся — над ним Игорь Сергеевич, в белой сетчатой майке, с полотенцем через плечо и мыльницей в руке.

— Боюсь, за трудное дело взялся — учить Собачку разговаривать.

Валька смущенно заулыбался.

— Да я так, понарошке...

— А я думал, что по правде, — засмеялся Игорь Сергеевич. — Пойдем-ка лучше искупаемся.

Они спустились к реке, выбрали удобное место. Валька на ходу сбросил рубашку, брюки и бухнулся в воду. Пока вынырнул, пока отдышался, глядь — рядом Собачка, закричал радостно:

— Ух ты! Молодец, смелая. Сразу в воду полезла. Игорь Сергеевич стоял по колена в воде, намыливал мочалку.

— Что же ей воды бояться, если у нее профессия такая — спасать утопающих?

Валька перестал работать руками.

— Да ну?!

— Точно. Она уже спасла одну девочку.

— Да ну?! Сама?

— Сама.

— Как? Расскажите.

— Да что рассказывать... Сделай вид, что тонешь — увидишь.

Валька не раздумывая взмахнул руками, завопил: «Спасите!», упал ничком на воду и пустил пузыри. Он еще не успел выдохнуть весь воздух, как Собачка, стремительно подплыв, крепко ухватила зубами его за плавки и потащила к берегу. Валька беспомощно забарахтался и вначале даже попытался высвободиться, потому что не очень-то удобно было болтаться вниз головой, однако ничего не вышло, пока он не очутился на берегу.

— Вот это да! — изумленно воскликнул Валька, переведя дыхание. — Вот это проперла! Сроду не думал.

Игорь Сергеевич довольно улыбался и ласково гладил уставшую Собачку.

Потом все трое грелись на раскаленном песке, и Игорь Сергеевич рассказывал про свою любимую археологию, про то, где и как начнет раскопки.

— Завтра придут мои хлопцы... Эх, хорошо: палатки, костры, песни, шутки... Парни двужильные. Работать с ними — радость. Приходи, познакомишься, помогать будешь. Нам трудолюбивые руки позарез нужны.

— А глубоко оно лежит, это, как его, городище?

— Не очень: метр-полтора.

— Ого, все равно глубоко. Там что: прямо целые дома стоят?

Игорь Сергеевич качнул головой, усмехнулся:

— Не спеши узнать наперед — все сам увидишь... Эх, жарница!.. Сейчас бы кваску. Холодненького, а?..

Валька вскочил.

— Давайте я принесу? У тети квас — прямо зубы ломит. Всегда на льду. И вкусный — не напешься.

Игорь Сергеевич вдруг засмутился, покраснел даже.

— Что ты, Валя!.. Не надо. Я ведь просто так, без умысла...

Валька просительно сложил руки на груди.

— Я мигом, Игорь Сергеевич. Вместе с Собачкой, а? Хорошо?

И, не дожидаясь ответа, как был в плавках, так и сорвался с места, на ходу позвал Собачку. А она обрадовалась, пустилась вперед, то обгоняя Вальку, то прыгая рядом с ним.

Валька застал тетю Груню и дядю Тиму дома. Они только что вернулись с покоса и были усталые и пыльные. Валька спросил у тети бидончик квасу, рассказал для кого.

Она сразу засуетилась:

— Сейчас, милый... Сейчас наготовлю, голубенок.

А дядя Тима нахмурился, произнес недовольно:

— Ишь ты — благодетель... Много их всяких бродит здесь, на каждого не напасешься.

На дармовщину, оно у всех рот шире ворот...

Валька исподлобья глянул на дядю Тиму, сказал глухо:

— Игорь Сергеевич не «всякий»... А если вам жалко квасу — не надо.

Лицо у дяди Тимы медленно побагровело. Он хотел было что-то сказать, да вдруг увидел Собачку, которая в это время вбежала во двор. Глаза у него удивленно расширились.

— Это чья такая?! Откуда?

Валька, переборов обиду, ответил:

— Игоря Сергеевича. Собачкой зовут.

— Собачкой? А ну иди сюда, Собачка, иди, не бойся, не укушу.

Собачка приветливо завилыла хвостом и подошла. Дядя Тима запустил короткие, толстые пальцы в густую рыжую шерсть, зацокал языком.

— Хороша! Ах, хороша! Шерстища-то какая: ищи — не найдешь.

Валька просиял: будто его похвалили.

— Песик что надо. Утопающих спасает. Игорь Сергеевич рассказывал, что уже одну девчонку из реки вытащил. Тонула она.

Дядя Тима продолжал гладить и мять Собачку.

— Ну и шерстища! Высший сорт. Вот бы раздобыть такую, а?

Валька вздохнул только: где возьмешь? Купить? Дорого, наверно... Денег, поди, и за год не наэкономишь. А иметь такую собаку разве откажется кто? Это просто счастье.

Пришла тетя, принесла запотевший бидон с квасом. Валька взял его, собираясь идти. Однако дядя Тима остановил:

— Погоди, я сейчас... — И заторопился в избу.

Через минуту он вышел, неся большую миску, полную супа с ломтями хлеба.

— Как же такую гостью да не покормить, а? Нехорошо, нехорошо... Ну, иди сюда, как тебя там... Собачка?

Собачка не отличалась особенной гордостью и приняла угощение. Она ела не жадно, но быстро, с аппетитом.

Валька присел рядом и с удовольствием наблюдал, как пустеет миска. Наконец, Собачка облизнулась, глянула на Вальку.

— Ну что, наелась? Подай дяде Тиме лапу.

Собачка подала. Дядя Тима тонко засмеялся.

— Ишь ты — ученая. Приходи еще в гости.

Валька подхватил бидончик.

— Ну, я побегу, дядь Тима. Я быстро.

— И то, поторопись, Валенсин. Огородишко полить надо. Уяснил?

Валька не задержался и до самого вечера поливал грядки. Устал изрядно, однако настроение было хорошее.

Да и разве оно могло быть плохим? Завтра приедут студенты Игоря Сергеевича. Это — раз. Послезавтра раскопки — два. А три — дядя Тима снял с Валькиных ног мерки и скоро примется за унты.

В эту ночь Валька спал беспокойно: боялся прозевать теплоход со студентами. И все-таки прозевал, и по самой обидной причине — проспал. Когда он прибежал на Раздумье, в березняке белела уже не одна палатка, а целых шесть. Всюду сновали загорелые усатые и бородатые парни в разноцветных плавках.

Валька стоял в сторонке, смотрел на них, и обида поднималась в нем: никто сегодня не встречает Вальку — ни Собачка, ни Игорь Сергеевич. Им сразу стало не до него, сразу забыли. Валька уже хотел было повернуться и уйти, но его окликнул коричневатый, заросший дикой бородой парень.

— Что стоишь сиротой? Подходи, гостем будешь, кунаком.

Валька подошел.

— Мне бы Игоря Сергеевича.

— Что, на работу пришел наниматься?

Валька хмыкнул.

— Зачем наниматься? Я и так буду помогать вам.

Бородатый заулыбался широко и приветливо:

— Молодец! Значит — наш парень. Принимаем. Только бороду придется отпустить. Без бороды или усов — никак.

Валька повеселел, засмеялся.

— Я из шубы наклею...

Теперь парень захохотал:

— Все! Договорились, кунак. А Игорь Сергеевич вон, у третьей палатки. Ящик распаковывает. Валька бегом к нему:

— Здравствуйте, Игорь Сергеевич!

Игорь Сергеевич обернулся, обрадовался.

— Валя?! Наконец-то. Собачка не с тобой?

— Не-ет!.. А что?

Игорь Сергеевич потускнел, нахмурился.

— Пропала Собачка...

Валька выкрикнул растерянно:

— Как пропала? Когда?

— Не знаю. С вечера со мной была... Я надеялся, что она у тебя. Наверное, в лесу рысь задрала...

Валька стоял опустив голову. Хорошее настроение будто ветром сдуло. На глаза вот-вот навернутся слезы. Еле выдавил:

— Я пойду... Поищу... Может, заблудилась... Я сейчас...

Долго бродил он по лесу, тоскливо и безнадежно зовя Собачку, устал, исцарапался. Чуть было не заблудился. Наконец, измучившись, пошел домой.

Дядя Тима копошился в сарае. Увидел Вальку, крикнул весело:

— Ты чего такой кислый? Проголодался, поди? А ну, айда ко мне, обрадую.

Валька подошел нехотя. Дядя Тима ткнул пальцем в угол сарая.

— Гляди-ка что. Добыл все-таки. Для тебя.

Валька вскинул глаза и замер: на жердине, растянутая, висела сырая, местами окровавленная рыжая шкура со знакомым белым пятном...

— Собачка?! — сиплым, перехваченным голосом выкрикнул он.

Дядя Тима довольно хохотнул.

— Была. Теперь шкура на унты. Высший сорт. Что, обалдел? Рад? То-то. Только ты, Валенсин, того... молчок... Никому ни слова. Мало ли где может пропасть собака, а у тебя — унты! Уяснил?

Валька будто проснулся. Бледный, с круглыми, почерневшими глазами, он вдруг закричал хрипло и страшно:

— За что?! За что убил?! А?! За что?! Грызунок ты! Грызун! — И кинулся на дядю Тиму.

Тот сильной оплеухой выбросил Вальку из сарая. Валька упал, поднялся и с каким-то не то стоном, не то воем бросился со двора...

Дядя Тима закричал:

— Ты куда? Куда? Вернись, дурак лопаухий! Для тебя старался. Вернись, говорю!..

...Ночь Валька провел в палатке Игоря Сергеевича. Не спал. Плакал, подрагивая, словно в ознобе. Игорь Сергеевич обнимал Валькины худые, острые плечи, тихо и ласково успокаивал, как мог. Однако Валька так и не сомкнул глаз. А утром, не заходя в село, он первым теплоходом уехал домой.

На пустом причале одиноко стоял осунувшийся, грустный Игорь Сергеевич и медленно махал Вальке рукой.

1971 г.

Аналогичный случай

Аркадий Михайлович пришел вчера с работы усталый, как черт, — шутка ли, финансовый отчет за квартал! Умылся, поел, присел, как всегда, в кресло отдохнуть у радиолы, послушать, чем мир дышит. Жена на дежурстве, сынишка за столом, обложился какими-то журналами и альбомами со своими марками. Лицо

сосредоточенное, губы оттопырены, волосы взлохмачены, листаает, высматривает что-то в этих альбомах, будто там бог весть какая невидаль. Нашел занятие! Филателист!

Аркадий Михайлович невесело усмехнулся.

— Не надоела тебе эта ерунда?

Славка поднял глаза. В них еще сияла нерастаявшая радость от каких-то чудесных находок и удивительных открытий.

— Папк, хочешь, я тебе расскажу про то, как филателисты помогли провести первые олимпийские игры?

Аркадий Михайлович досадливо поморщился.

— Ладно, оставь эти бредни себе.

Глаза у Славки сразу потускнели. Он опустил голову и уже без прежнего интереса залистал альбом.

Аркадий Михайлович повернулся к радиоле и щелкнул клавишей. Однако привычного шума и треска не послышалось.

— В чем дело? — спросил Аркадий Михайлович. — Почему приемник не работает?

— Откуда я знаю, — буркнул Славка.

Аркадий Михайлович сразу вспылил:

— Ты никогда ничего не знаешь! Ничего, кроме своих дурацких альбомчиков. Крутил пластинки?

— Да нет же. Я даже не подходил к нему.

— Так я тебе и поверил! — Аркадий Михайлович тяжело поднялся и пошагал к телефону. — Портить вещи вы все мастаки, а ремонтировать — один я. Наказание — не жизнь... Алло, это ателье?

Бодрый, веселый голос охотно подтвердил, что да, это ателье. Послать на дом мастера? К сожалению, невозможно: болеют. Нет, конечно, не все, одни в отпуске, другие в разъездах.

Аркадий Михайлович мрачно захохотал:

— Я так и знал! Просто было бы удивительно услышать другой ответ!.. Ну, хорошо, я сейчас сам привезу приемник.

Бодрый голос вдруг огорчился: ателье переполнено радиоприемниками и радиолами — нет каких-то важных запчастей. Через недельку приходите. А вот если есть испорченный телевизор «Рекорд» — милости просим, в два дня будет готов.

Аркадий Михайлович задохнулся от гнева:

— Что? «Рекорд»?! При чем тут «Рекорд»? Я спрашиваю: при чем здесь...

Он не договорил, бросил телефонную трубку на рычажок, выдавил хрипло:

— Черт бы вас побрал!.. Нет, я этого так не оставляю... Я доберусь до этих бездельников.

И вот он идет по широкому тротуару, не замечая радостной пестроты дня, не слыша гомона улицы. Вдруг над самым ухом раздался басовитый голос:

— Здравствуй, дорогой!

Аркадий Михайлович вздрогнул, поднял глаза.

— А, это ты, Цыбин...

— Куда шагаешь? И почему чернее ночи?

— Почернеешь!.. — Аркадий Михайлович махнул рукой.

— Случилось что? На работе, поди?

— При чем тут работа... Мало ли мастеров развелось портить настроение...

И он, едва сдерживая раздражение, поведал приятелю о причинах своего расстройства. Цыбин кивнул понимающе.

— Это верно — наплачешься. У меня тоже был аналогичный случай... Звоню в одну мастерскую — не берут, звоню в другую...

Аркадий Михайлович снова махнул рукой.

— Ладно, чего уж там... Сегодня финальный матч. На кубок страны... Репортаж будет... Ждал, как праздника...

Цыбин сочувственно погрустнел, но, увы, помочь ничем не мог.

— Может, там у тебя пустяк какой? Может, предохранитель перегорел, а? У меня был аналогичный случай...

— Нет, — мрачно произнес Аркадий Михайлович. — Цел. Проверил.

— А может быть... Слушай, зайдём-ка в «Радиотовары»? Авось, кого знающего встретим или с продавцами посоветуемся.

В магазине было немного народа. Цыбин и Аркадий Михайлович прошли в отдел радиодеталей. Там, уткнувшись носом в витрину, стоял единственный покупатель — тощий веснушчатый мальчишка, курносый и губастый.

Аркадий Михайлович угрюмо нахмурился.

— Бесполезно. Пойду-ка я лучше.

— Уйти всегда успеем... Товарищ продавец!

Подошла миленькая кареглазая девушка, вопросительно взглянула на Цыбина.

— Понимаете, какое дело... Не работает приемник... Нет звука... Не можете ли советом?

Девушка смущенно улыбнулась и как-то очень беспомощно развела руками.

— Ах ты, беда, — огорчился Цыбин. — Может быть, найдется у вас кто-нибудь знающий? Будьте добры...

Продавец пожала плечами все с той же смущенной улыбкой.

— Сейчас узнаю.

И ушла. Мальчишка оторвался от витрины.

— Какой марки приемник?

Аркадий Михайлович глянул мельком на него и, не ответив, отвернулся. Цыбин встрепенулся:

— В самом деле, какой?

— «Ригонда».

Мальчишка снова вклинился:

— Это — радиола.

Аркадий Михайлович сдвинул брови к переносью, спросил сдержанно:

— Ну и что?

— Ничего.

— Вот и не суйся в чужие дела.

Мальчишка хмыкнул и опять уткнулся в витрину.

Пришла девушка-продавец, привела какого-то мужчину с большим мясистым носом, под которым желтела узенькая полоска усов.

— Трудновато, так сказать, заочно установить причину неполадок, — произнес он, выслушав Цыбина. — Однако... Я думаю, надо посмотреть лампы усилителя. Там их две, типа 6К4П. Одна из них, вероятно, перегорела.

— Что же делать нам?

— Купите новую и по очереди замените. Вот все, чем могу помочь. Извините, тороплюсь.

Аркадий Михайлович усмехнулся: «Профессор!.. Трик-брик и — в дамках...» Глянул на Цыбина.

— Ну что?

— Покупай лампу и — айда.

— Погодите, — раздался голос мальчишки. — Когда пластинки проигрываете, есть звук или нет?

Аркадий Михайлович круто обернулся.

— Чего ты привязался к нам? Лучше вытри нос и беги заниматься своими делами.

Цыбин укоризненно посмотрел на Аркадия Михайловича.

— Нехорошо, дорогой. Мальчик интересуется — ответь.

— Вот еще наказание!.. Нету звука, нет. Доволен?

Мальчишка не обиделся, произнес:

— Тогда лампы 6К4П ни при чем.

Аркадий Михайлович сделал удивленное лицо:

— Вон даже как?! Очень любопытно. Какие же лампы «при чем»?

— Лампы усилителя низкой частоты, — невозмутимо ответил мальчишка. — 6Н2П или 6Н14П.

— Bravo, — сказал Аркадий Михайлович. — Молодец. Настоящий вундеркинд. Ну, а

теперь иди гуляй.

Мальчишка вдруг покраснел, голос его задрожал.

— Я вам правду говорю. Купите эти лампы и увидите... Я знаю.

Аркадий Михайлович хотел было сказать что-то, но Цыбин не дал:

— Дорогой, мы купим эти лампы! Они — то, что нам как раз надо... Спасибо, малыш.

Он купил лампы, сунул в карман Аркадию Михайловичу, подхватил его под руку и повел из магазина.

— У меня тоже был аналогичный случай... В прошлом году я...

Уже у самых дверей их догнал мальчишка.

— Я еще хотел сказать... Посмотрите: не отключились ли динамики. Там есть такой проводочек с вилочкой... Это часто бывает...

Дома было прохладно и тихо. Славка по-прежнему сидел за столом и перебирал марки. Аркадий Михайлович мельком глянул на сына и прошел к радиоле. Он молча снял заднюю стенку, вынул старые лампы, аккуратно вставил купленные. Приемник молчал. В душе Аркадия Михайловича снова заворочалось глухое раздражение. Старые идиоты, кого послушали! Мальчишку, сопляка. Дураки набитые. И этот Цыбин еще... Аналогичный случай!..

Он схватил крышку, чтобы привинтить на место, да вспомнил вдруг про «проводочек с вилочкой», нашел его, загнал вилку поплотнее в гнездо — и приемник ожил. Послышались шорох и свист, а потом знакомая веселая песня.

Аркадий Михайлович заулыбался и радостно и смущенно. Ах ты, губастенький!.. А я-то, я-то...

Прибежал Славка.

— Исправил?

— Исправил.

— Здорово! Ты — молодец.

Аркадий Михайлович кашлянул в ладонь.

— Молодец, да не совсем...

Он с любопытством глянул на Славку и словно впервые увидел его зеленоватые пытливые глаза, слегка нахмуренные белесые брови, веснушки (как у того!), худенькие плечики и ушки-лопушки. Вдруг схватил его, прижал к себе.

— Ты что-то вчера мне рассказать хотел... Про филателистов, что ли, которые помогли спорту?

Славка смущенно отмахнулся.

— Да ну тебя! Снова ругаться будешь.

Аркадий Михайлович качнул головой. Сказал:

— Больше не буду.

1971 г.

Племяши

Евгений Андреевич уже проснулся, когда вдруг раздался длинный, настойчивый звонок. Так мог звонить или нетерпеливый, или беззастенчивый человек. «Наверное, опять кто-нибудь из домоуправления или контролер электросети», — поморщился Евгений Андреевич.

Он недовольно открыл дверь, готовый сделать, кто бы там ни был, резкое замечание, но застыл удивленный: на площадке стояли вихрастый парень в замасленном пиджаке и двое белобрысых, сероглазых и улыбающихся во весь рот мальчишек. На обоих были куртки с «молниями», синие береты, лихо сдвинутые набекрень. У того, что повыше, — чемоданчик в руке, у другого — рюкзак за спиной.

— Здравствуйте, дядя Женя!

Евгений Андреевич, наконец, пришел в себя, широко раскинул руки, обнял сразу двух мальчишек и расцеловал в горячие запыленные щеки.

— Приехали-таки?! Ну герои. Ну обрадовали, братцы.

Вихрастый парень отметил с комичной серьезностью:

— Встреча произошла в сердечной обстановке... Так и передам Ольге Андреевне. Ну, а я, простите, побежал. Тороплюсь. До свидания, чижики.

И застучал каблуками вниз по лестнице.

Пока ребята о чем-то перешептывались, умывались и приводили себя в порядок в ванной, Евгений Андреевич взволнованно ходил по комнате. Как ни ждал гостей — все-таки они приехали неожиданно. Молодец Оля — сдержала обещание, отпустила ребят.

Оля — младшая и единственная сестра Евгения Андреевича. Сколько сил он отдал ей, сколько дум передумал о ее будущем. И все оказалось напрасным. Нет, не по его вине...

Трудное было время. Умерла мама. Оля училась тогда в седьмом классе. Едва закончила его — заболела. Больше двух месяцев она находилась на краю гибели. Выходили. Евгений Андреевич сделал все, чтобы Оля закончила десятилетку, чтобы была сытой и одетой не хуже других, чтобы, наконец, когда она получила аттестат зрелости, могла спокойно подготовиться в архитектурный институт, о котором всегда мечтала.

И она поступила туда. Но проучилась недолго: совсем неожиданно для Евгения Андреевича собралась замуж за выпускника-сельхозника, длинного, тощего, конопатого агронома.

Евгений Андреевич даже заболел от этой новости. Он просил, умолял Олю не глупить, не ломать своей жизни, получить образование, крепко встать на ноги и потом уж, если никак не обойтись, делать этот шаг.

Оля все-таки не послушалась, вышла замуж и уехала в какую-то глухую деревню, куда не ходили поезда и не летали самолеты.

Евгений Андреевич довольно холодно простился с сестрой, а ее «конопатому сельхознику» не только не подал руки, но даже не взглянул в его сторону.

С тех пор прошло много лет. Оля изредка писала письма, скупко сообщала о своем житье-бытье, о детях, о том, что закончила какое-то там училище, что ли, и работает заведующей птицефабрикой; что у нее пропасть всякой работы, так что не только скучать, но и письма написать некогда. Евгений Андреевич морщился и мрачно хохотал, читая про «заведующую» и про «птицефабрику». «Что за любовь к гиперболам! Любуй курятник, любую ферму называют фабрикой, комбинатом! Заведующая!.. Эх, Оля, Оля...» И снова хохотал невесело и горько.

Он отвечал ей кратко и сухо, а мужу — ни слова, ни поклона, будто и не было его на свете. Никак не проходила обида на «конопатого сельхозника», погубившего жизнь сестры, упрятавшего ее в какой-то дикой дыре.

За это время Евгению Андреевичу довелось увидеться с Олей всего лишь трижды. Последний раз — месяц назад. Забежала она к нему буквально на час — торопилась на завод за каким-то оборудованием для своей птицефабрики.

Оля очень волновалась, то и дело всхлипывала, глядя на крепко сдавшего брата, на его холостяцкую квартиру. Сквозь слезы, с пятого на десятое, сообщала все, какие вспомнились, новости. Евгений Андреевич слушал Олю, глядел на ее натруженные обветренные руки, на ноги в заляпанных грязью сапогах, на пестренький платок, спадавший с плеч, на поношенный плащ, который она держала на коленях, и жалость жгла его сердце.

Евгений Андреевич вздохнул трудно, заглянул участливо в глаза сестры.

— Нелегко, поди, живешь, а? Поди, концы с концами не сводишь?

— Да нет, все в порядке. — А потом неожиданно засмеялась смущенно и доверчиво. — Ты же знаешь, какие мы все, женщины: сколько ни будь денег — всё кажется мало. И одеться хочется покрасивее, и в квартиру мебель получше...

«Ну, ну, вижу, — подумал Евгений Андреевич. — Вижу, как приоделась, и в квартире, наверное, не краше». Сказал вслух:

— Обижает тебя?

— Кто, Федя? Ну что ты! Нет. Он славный...

— Ладно, ладно, — буркнул Евгений Андреевич. — Знаю я их, этих славных... За воротник-то закладывает?

— Бывает. Но в общем он не очень большой любитель.

«Пьет, — решил Евгений Андреевич. — Пропивает, наверное, последнюю копейку. А она скрывает. Да и что ей остается делать?»

— Ты вот что, Оля... Ты только не стесняйся... У меня есть деньги... Если нужно...

Оля прикусила губу, в глазах сверкнули слезы.

— Почему ты не веришь мне? Мы живем не хуже других. Нисколько... А он — хороший человек, работающий, внимательный... Любит меня, детей...

— Ну, полно, полно. Чего уж там... — хмуро согласился Евгений Андреевич и, чтобы переменить разговор, спросил о детях.

Оля сразу повеселела, заулыбалась.

— Да что дети? Бегают, шалют, учатся. Паша уже в шестой класс пойдет, а Леня — в четвертый. Послушные, по дому все делают...

Евгений Андреевич представил себе почему-то замурзанных, с большими грязными ушами и мокрыми носами, запуганных и туповатых мальчишек. «Да и что они могут узнать, что смогут доброго увидеть там? Бедные дети. Дорого же платят они за безрассудство своих родителей».

— Знаешь что, Оленька, я через две недели иду в отпуск, отправь ко мне ребят. Пусть поживут у меня, пусть мир, как говорится, посмотрят. Ребята уже совсем взрослые, а в городе еще не были. Нехорошо.

Оля запротестовала, что-де трудно ему будет с мальчиками, что они еще все-таки маленькие, принесут много лишних забот и помешают ему, но Евгений Андреевич не захотел слушать никаких возражений.

И Оля уступила. Она сказала, что отправит ребят попутной машиной.

Евгений Андреевич нетерпеливо подждал племяшей и готовился к их встрече, придумав и расписав на бумаге грандиозный план походов по городу и его окрестностям. Он даже прочел историю своего края, изданную местным издательством, чтобы быть вооруженным до зубов.

И вот они приехали, его племяши.

Евгений Андреевич с интересом разглядывал их. Вид у ребят был никак не туповатый и не запуганный. Уши и носы оказались тоже вполне нормальными и чистыми. Это не столько обрадовало дядю, сколько удивило.

— Ну, хлопцы, — сказал он, закончив осмотр, — давайте обживайтесь, а я — на кухню. Будем готовить, как говорят немцы, фриштик. Знаете, что это?

Пашка рассмеялся:

— Завтрак.

— Ого, молодец!

Фриштик оказался не очень вкусным и обильным: глазунья, масло, кофе.

Евгений Андреевич бодро призывал:

— Нажимайте, нажимайте, братцы, не стесняйтесь.

Однако ребята не торопились нажимать, выпили по чашке кофе и полезли из-за стола.

— А глазунью?

Ленька поморщился и довольно откровенно заявил:

— Яйца нам дома надоели. И масло тоже.

У Евгения Андреевича дернулась правая бровь.

— Вот как?! Чем же, извольте, вас кормить?

— А не знаю, — беспечно ответил Ленька. — Мороженым. — И захохотал.

Пашка ткнул брата в бок:

— Ладно тебе...

Евгений Андреевич пожевал губы, решительно потрянул головой.

— Ну-с, братцы, — сказал он, оглядывая комнату, как полководец поле предстоящей битвы. — До обеда отдохнем, а потом двинем в походы по городу... У нас есть что посмотреть, есть чем гордиться. Познакомлю вас со всеми историческими местами, с архитектурными памятниками и так далее. Побываем, конечно, в музее, в театрах, на стадионе, на выставке. Совершим экскурсию на «Ракете» по Оби. Ну как, устраивает вас такой план?

У ребят загорелись глаза:

— Устраивает, дядь Женя!

Евгений Андреевич прошел в «красный» угол, где было средоточие его радиотехнических средств, хлопнул ладонью по телевизору, спросил небрежно:

— Надеюсь, вы знаете, что это за аппарат?

Ленька засмеялся, а Пашка ответил скромно:

— Конечно, знаем... только у нашего «Атланта» экран немного побольше. Сорок пять сантиметров по диагонали. А у вашего «Рекорда»?

Евгений Андреевич несколько смутился:

— Понимаете ли, как-то не довелось... Не поинтересовался... В общем аппарат хоть и старенький, но надежный, работает, как часы...

— А это магнитофон? — спросил с любопытством Ленька. — Ух ты, не видел еще такого. «Нота»... Наверно, последней марки?

Евгений Андреевич медленно потер подбородок, ответил как-то виновато:

— Это магнитофонная приставка. Она, так сказать, работает только в содружестве с этой вот радиолой...

Ленька протянул разочарованно:

— А-а!..

Евгений Андреевич решил защищаться.

— Воспроизводимость звука радиолой лучше и чище. Когда я брал «Ноту», именно этим руководствовался...

Племяши охотно согласились: может быть. Но так и остались равнодушными и к «Ноте», и к радиоле «Сириус». Пашка направился к книжному шкафу, а Ленька подошел к окну, лег грудью на подоконник и заглянул вниз.

— Ух ты — высоко как! Дядь Жень, а сколько метров отсюда до земли?

Евгений Андреевич тяжело сел в кресло.

— Не знаю, брат, не мерил... Метров двенадцать, пожалуй.

— Ну да! Больше. У нас пожарная вышка — двенадцать.

— Ну, пятнадцать.

— Нет, метров двадцать.

Ленька с минуту повертел головой и соскочил на пол.

— Высоко, а ничего не увидишь: дома и дома. На нашу вышку заберешься — ахнешь! Даже Макаровку видно. Тринадцать километров от нас. И озеро Малиновое...

Евгений Андреевич слушал Леньку, а сам раздумывал: чем бы занять племяшей, что им еще показать? А Ленька вдруг развспоминался.

— Эх, и рыбы там, на Малиновом! Карась — во! И лещ. Карп попадается. Мы с батяней как-то целый рюкзак наловили. Пуда два... Не верите? Вон хоть у Пашки спросите... Пашка, помнишь? Тогда у нас еще на заимках мотоцикл сломался.

Пашка в это время увлеченно рылся в книжном шкафу, ответил, не оборачиваясь:

— Помню. Много наловили.

— Видите? — Ленька победно глянул на дядю.

— Ну, и как справились?

Ленька засмеялся радостно.

— Хорошо справились! Мама такого пирога испекла — язык проглотишь!

Евгений Андреевич усмехнулся.

— Я не про то. Ты говоришь, мотоцикл сломался. Дотолкали до дому?

Ленька даже руками развел.

— Дотолкали?! Да у нас батяня... Он, хоть давай самолет, исправит. Доехали. Еще как!

Евгений Андреевич снова усмехнулся. «Ишь ты — батяня! Придумали же...» Спросил:

— Мотоцикл-то, поди, недавно купили?

— Этот, с люлькой, в позапрошлом году, а «Ковровец» — давно. Батяня его Пашке подарил. Пашка уже и ездить научился, да батяня не разрешает пока.

Евгений Андреевич тяжело поднялся с кресла и без прежнего энтузиазма произнес:

— Ну что ж, пойдёмте, братцы, побродим по городу... А пообедаем, пожалуй, в столовой.

Ленька не мешкая побежал в прихожую обуваться, а Пашка с сожалением расставил книги по местам, сказал дяде:

— Хорошие у вас книги. Интересные. У нас таких нет. Даже в библиотеке.

Евгений Андреевич обрадовался этим словам, как дорогому подарку, засуетился, хлопнул Пашку по плечу.

— Ну, это ты, брат, загнул малость... Про библиотеку... А в общем, верно, есть кое-что...

За неделю дядина программа была выполнена больше чем наполовину. Ребята побывали в музее и в огромном Дворце спорта, где в самую жару смотрели настоящий хоккей с шайбой. Здорово понравилась им выставка и спектакль в ТЮЗе, и совсем ошеломила прогулка на «Ракете». Какая скорость! Никогда не думалось, что можно захлебываться воздухом!

В общем впечатлений — хоть отбавляй.

Однако городская сутолока утомляла. Пыль, лязг трамваев, сумасшедшая трескотня мотоциклов, непрерывный рев автомашин, от которого и ночью нет спасения; какая-то тяжелая теснота на улицах, толкотня в магазинах, в столовых, в автобусах... Ребята устали и поскущнели. Все реже и реже стали выходить даже во двор. А на второй неделе вдруг заявили твердо: домой.

Евгений Андреевич растерялся, огорчился несказанно:

— Да вы что, братцы?! Впереди столько интересного! Поживите. Ну хоть с недельку еще?

— Нет, — сказал Ленька. — Скучно у вас тут. Ни реки, ни леса. Ходишь, как дурак, среди домов.

— Верно, — задумчиво подтвердил Пашка. — А у нас сенокос уже, наверно, начался. А, Леня?

— Конечно, начался. Батяня говорил: через неделю, мол. А мы здесь уже вон сколько живем.

Пашка вдруг оживился, глаза заблестели.

— Ох и жарко сейчас нашим — все на лугах. Торопятся. Погода, вишь, какая — в самый раз. С ночевьем, поди, а? Вечером кулеш на кострах варят... И песни поют...

— А перепелки: «Спать пора, спать пора!..» На Черемшанских лугах их полно, перепелок. Помнишь, Паш, как в прошлом году ловили их?

И они, споря и радуясь, вспоминали о чем-то интересном и дорогом для них, забыв все на свете.

Слушает Евгений Андреевич племяшей и видит себя таким же белоголовым мальцом, с одной помочей через плечо, на речке с удочкой... Вода тихая, гладкая, а в ней перевернутый лес, что растет на той стороне, а в ней еще горят утренние звезды... Было ли это? Когда он, в самом деле, видел небо, всё сразу, далекое и огромное?

Поднял голову Евгений Андреевич, словно чужими глазами обвел обжитую квартиру, и показалась она ему серой, неуютной, тоскливой...

— ...Дядя Никифор, наверно, получил новую самоходку и обкатывает уже...

— Интересно, батяне сменили коня или нет? Карька ведь совсем охромел.

— Сменили, небось. Председатель когда еще обещал. Слышь, Паша, а ты на конзавод поедешь?

— Еще бы! Сразу же. Гаврилыч просил помочь... Пегас уже здорово подрос... Эх, и рысачок будет! Из «Красного знамени» приезжали — отойти от него не могли. Пристали: продайте, мол.

Ленька испугался:

— А если продадут?

— Как же! Гаврилыч сказал: только со мной. А я, говорит, дорого стою.

Ребята засмеялись. Ленька совсем разбодрился, обернулся к Евгению Андреевичу.

— Поехали с нами, дядь Женя, а? Ух и поживем! На рыбалку сходим. Или в лес. Грибов там — заплачешь, что не соберешь всех. Рысаков наших посмотрите. У нас конюшня — во! Золотую медаль имеем. А, дядь Женя?

Вечером Евгений Андреевич позвонил Оле, чтобы прислала машину.

— Ты уж прости, Оленька, может, и я с ребятами, а?.. Такое тут дело...

1971 г.

Тропинка

Я его часто видел из окна. Он был всегда в одном и том же сильно поношенном пальтишке, едва доходившем до колен, в шапке-ушанке, которая, видимо, не раз служила футбольным мячом в горячих и быстрых импровизированных матчах. Она сидела у него на голове как-то особенно лихо, причем одно ухо беспомощно свисало, а другое торчало вверх вызывающе и нахально. Его большие, наверное мамины, резиновые сапоги, когда он бегал, хлопали голенищами, будто стреляли. По этим хлопкам я безошибочно узнавал: он вышел на улицу.

Ему было лет восемь-девять. Чей он, как его звать — я не имел понятия. Одно знал: живет он в нашем доме.

Я его не любил. Больше того, он вызывал во мне глухое раздражение. Мне хотелось порой выскочить на улицу и надрать ему уши. Уж очень был он задирист, шумлив и непоседлив: ни минуты на месте, ни минуты без оглушительного крика или хохота. Он как угорелый носился по двору, хлопая голенищами, всюду совал свой нос и всюду вызывал разлад, ссоры, жалобы и слезы.

Особенно досаждал он девочкам. У него, наверное, был такой талант: мешать им и дразнить их. Они расстраивались от одного его появления. А уж стоило ему соорудить какую-нибудь дикую рожу и при этом издать один из своих любимых душераздирающих воплей — игра, какая бы она ни была, распадалась, и девочки с плачем бежали домой жаловаться.

Эти вопли вышибали и меня из равновесия. Вот тогда-то во мне просыпался зверь, и я готов был мчаться на улицу, чтобы надрать мальчишке уши.

В этот год весна пришла ранняя, капризная: день — солнце, ручьи звенят, лужи сверкают; а на завтра — небо черное, низкое, с утра до вечера не то дождь, не то мокрый снег, ветер не утихает, хлещет по лицу, словно розгами. Рыхлый грязный снег и лужи покрываются предательским ледком. Понадеешься на его крепость, ступишь — и наберешь полные ботинки жгучей, ледяной воды.

Однажды в такой вот день я смотрел в окно на тихую пустынную улицу. Вчера она кишела детворой, сегодня там только редкие прохожие. Идут, как лунатики, с опаской передвигая ноги, — не поскользнуться бы да не свалиться в подмороженную грязь.

Посреди улицы, во всю ширину, глубокая лужа. Идти по ней рискованно. И все выбирают дорогу возле заборчика, там, где зима намела сугроб. Надеются, видимо, на твердость снега. А весна именно там уготовила свою хитрую ловушку: кто бы ни пошел, обязательно провалится и наберет воды.

Я уж хотел было отойти от окна, как вдруг послышалось знакомое хлопанье: так и есть — он, маленький злодей в стреляющих сапогах. Ничто ему нипочем: ни ветер, ни холод, ни грязь. Пальтишко распахнуто, шапка скособочилась, глаза шальные, будто он впервые вырвался на улицу. Завертел головой: куда броситься, где поинтересней? Подбежал к луже, схватил обломок кирпича, запустил в самую середину. Лед проломился, и из лунки вылетел фонтанчик воды. Это понравилось, но не надолго. Решил, что ногами ломать лед куда занятней, и пошел бродить по луже. Он бурунил воду, бил ее ногами так, что она веером вздымалась вверх. Ветер подхватывал брызги и бросал мальчишке в лицо. Он широко открывал рот, повизгивал от этого холодного душа и хохотал.

Вдруг он оглянулся и насторожился: на противоположном берегу лужи нерешительно топталась девочка с портфельчиком, наверное первокласска, выискивая, где бы перейти. У мальчишки по лицу расплзлась широченная улыбка — предстояло забавное зрелище, тем более, что на ногах у нее были обыкновенные ботинки.

Девочка пометалась, пометалась вдоль лужи и пошла к заборчику, чтобы пройти по снегу. Шла осторожно. Добралась до середины и провалилась по самые колени, набрав, по-видимому, полные ботинки воды. Она сидела на снегу, пытаясь вытащить ноги, и беспомощно озиралась.

Мальчишка был в восторге. Он хохотал, корчил рожи и хлопал себя по бокам. Я весь взбурлил от негодования и уже натягивал на плечи пиджак, чтобы бежать девочке на

выручку.

Но тут произошло неожиданное: мальчишка подошел к ней и что-то сказал. Она жалко улыбнулась и протянула к нему руки. Он воровато оглянулся по сторонам, быстро присел на корточки, подставив ей спину. Девчонка схватила его за шею руками. Он поднял ее и прямо через лужу перенес на сухое место. Она что-то ему говорила, наверное благодарила, а он — вот ведь ерш колючий! — в ответ развернул ее, стукнул по горбушке и беспечно, словно и не произошло ничего, вернулся к хитрой намети у заборчика.

Там он постоял, о чем-то раздумывая, и принялся утапывать снег. Он проваливался, падал, выдергивал ноги из снега и снова топтал его. Прошел в одну сторону, потом в другую, потом еще и еще раз и сделал узкую тропинку. Посмотрел на нее, вытер рукавом пот и отправился домой.

По его тропинке пошли люди. Она становилась все тверже и шире.

1971 г.

Весельчак

Он был самым обыкновенным поросенком: полненьким, шустрым, с маленькими зеленоватыми глазками, с белыми прямыми ресницами, с тонким крученым хвостиком и розовым пятачком. И имя у него было самое обыкновенное — Васька.

Во дворе обитало немало жильцов: и куры, и овцы, и корова Милка, и черный лохматый пес Демон, — однако бабка Меланья больше всего благоволила к Ваське. И кормила его сытнее, и спал он в отдельной клетушке, на охапке всегда свежей соломы.

Кто другой давно бы возгордился этим и заважничал бы, а Васька — нет. Напротив, он оставался общительным, компанейским и готов был в любую минуту прийти каждому на помощь.

Утрами, едва из-за огромных бронзовых сосен поднималось солнце, Васька, бодрый и свежий, выбегал из своей клетушки, сладко потягивался и ласковым взглядом окидывал оживленный двор. Здесь было все привычным и родным. Куры уже, как всегда, разгребали у плетня кучу перегноя; под навесом, тяжело вздыхая, жевала жвачку Милка; овцы беззлобно терлись друг с другом лбами, а у поленницы лениво грыз старую кость лохматый Демон.

«Ах, как хорошо на свете! — думал Васька. — Как просто и радостно. И какие все славные и милые».

И он, заглянув на всякий случай в свое пока еще пустое корытце, бежал к друзьям, чтобы поприветствовать их, а если понадобится, то и быть им полезным.

Первым делом он навестил овец. Их вид почему-то всегда удручал Ваську. Они казались ему какими-то уж очень унылыми и недовольными. Вот и сейчас сбились все в тесную кучу, опустили головы друг другу на спины и стоят, стоят неподвижно на своих тонких ножках. О чем они думают? Что у них за тоска? Может быть, их кто-нибудь обидел?

Нет, Васька никак не мог остаться равнодушным к их непонятной грусти и пройти мимо. Жить всем должно быть приятно и весело.

Он много раз видел, как овцы сходятся лбами. Что ж, если надо, если это доставляет друзьям удовольствие, Васька сделает для них все.

Он выбрал самую задумчивую овечку, набычил, сколько мог, голову, чтобы поискусней боднуть, и решительно двинулся вперед. Но овца оказалась высокой, и розовый пятачок пришелся ей не в лоб, а в грудь. Она отпрянула и с недоумением уставилась на Ваську, как бы спрашивая: чего тебе надо?

Ваське надо было немного: слегка поразвлечь друзей. И он, входя в азарт, принялся наскакивать на овец, поддевать рылом под животы и дружески покусывать за тонкие ножки.

Овцы сначала испуганно жались друг к другу, потом не выдержали, забежали и в панике попрыгали на улицу через пролом в плетне. Васька тоже бросился вслед, но не

допрыгнул до пролома и упал на спину. Он вскочил, слегка ошарашенный, заглянул в щель: где же овцы? Они врассыпную мчались к лесу.

«Ах какие шутницы! Ах как ловко провели они меня!» Васька почесал о плетень ушибленное место и, еще более повеселевший, направился к Милке. Он любил добрую шутку.

Милка отдыхала. Мельком глянула на Ваську и отвернулась, будто не заметила его.

«Какие у нее печальные глаза, — подумал Васька. — И как тяжело она вздыхает. Бедняжка! Это, конечно, от одиночества».

И он ласково потерся о Милкин бок. Милка и этого не заметила. Тогда Васька, обежав вокруг, принялся трепать и дергать ее хвост. Милка лежала кроткая и терпеливая.

«Боже мой, — сказал про себя Васька, — до чего ей, однако, грустно». И куснул за сосок.

Милка вздрогнула и неожиданно резво вскочила на ноги, чуть не придавив Ваську. Потом, диковато косясь на него, затрусилась через двор.

Васька благородно проводил ее до воротец на выгон и, довольный собой, вернулся, чтобы малость поиграть с курами. Сначала он вместе с ними взялся разрывать у плетня кучу пережня. Но это занятие показалось слишком неинтересным и скучным. Тогда Васька стал бегать за курами. Они кудахтали по-сумасшедшему, носились по двору, теряя перья, пока не разлетелись, кто куда мог.

Васька вздохнул с сожалением и пошел к своему лучшему другу — Демону. Тот, видимо, уже поджидал его — улыбался, показывая длинные желтые зубы.

Васька, соблюдая собачий этикет, поднял заднюю ножку, чтобы расписаться на поленнице, но с непривычки не устоял и завалился набок. Однако он тут же быстренько поднялся и подошел к Демону обнюхаться.

Демон приглушенно зарычал и коротко гавкнул, наверное сказал «здравствуй».

Васька сделал подобие стойки и тоже хотел гавкнуть, но из его горла вылетело лишь нежное и ласковое хрюканье. Впервые Васька пожалел, что еще не научился лаять по-собачьи. Как это порадовало бы славного, милого Демона!

Похрюкав, Васька дружески рыльцем поддел лохматую башку Демона. А тот вдруг укусил Ваську. Укусил бессовестно больно. Васька завизжал, завертелся волчком. На шум выбежала бабка Меланья, схватила палку и так отделала ею Демона, что он надолго забился в свою конуру. А Ваську бабка Меланья обласкала, почесала брюшко и повела кормить.

Васька, вероятно, был непротивленцем — он совсем не помнил зла. Сытно поев, он как ни в чем не бывало снова отправился к своему другу.

Демон, когда увидел бегущего к нему Ваську, задрожал, словно в сильном ознобе. Сначала он спрятался в сараюшке, но Васька нашел его там. Тогда Демон, как последний трус, кинулся наутек.

Солнце меж тем скатилось за густые ветлы на той стороне реки, и Васька, притомившийся за день, отправился спать в свою клетушку, где уже лежала охапка свежей соломы.

«Ах, как хорошо жить, — сладко зевнул Васька, вспоминая прошедший день. — Скорей бы, скорей завтра!»

Ведь завтра он снова увидит своих друзей и снова будет им полезен...

На другой день он выбежал из клетушки, как и прежде, бодрый, веселый и любвеобильный. Выбежал и огляделся: где же друзья? Где они, такие милые и славные? Кому помочь, кого развлечь?

Но двор был тих и пуст. Овцы дремали почему-то, за оградой, положив головы друг другу на спины. Милка лежала на лугу, обмахиваясь хвостом. Куры бродили по улице. Не было и Демона. Куда исчез — неизвестно.

Васька удивился: «Почему они не заходят во двор? Ведь здесь так уютно и хорошо, так светло и весело. Почему?»

Он беспокойно забегал вдоль плетня. Он призывно хрюкал, нежно повизгивал. Но никто не шевельнулся, никто даже головы не повернул в его сторону.

Вдруг Васька остановился потрясенный: «Что же мне делать теперь?..»

Няма

В эту зиму ветер соорудил во дворе высокий и крутой сугроб. К великой радости ребятни, он с каждым бураном поднимался все выше, пока не достиг второго этажа. В любую погоду на горбу этого сугроба маячили фигурки мальчишек и девчонок: кто катался на санках, кто на лыжах, кто просто барахтался в снегу, увязая по самые колени.

Приходил сюда со своими новенькими лыжами и Няма. Почему его прозвали так — не знаю. Был он маленький, худенький, с большими голубыми глазами. Из-под зеленой вязаной шапочки трогательно свисали на виски и лоб неровные белесые косицы. Его чуть вздернутый нос, красный от мороза, еще хранил редкие крупные веснушки.

Няма осторожно забирался на самую верхушку сугроба, становился где-нибудь в сторонке, чтобы никому не мешать, крепко прижимал к боку лыжи и смотрел, как со смехом, криком и визгом скатываются ребята.

— Ну, что стоишь, не дышишь! — кричит ему Федька Ступин, взбираясь по склону на обшарпанных добела лыжах. — Может, ты сторожем устроился, а? Охранять трамплин, а! Давай-давай, Няма, старайся. Потом зарплату получишь — пару горячих по уху. Сам отвешу.

И Федька громко, с удовольствием хохочет, закидывая кверху лицо.

Няма кротко улыбается, переступает с ноги на ногу и еще крепче прижимает к себе лыжи.

Федька уже на сугробе останавливается на минуточку, чтобы перевести дыхание. Он разгорячен, с ярко-красными щеками. Пальто распахнуто, на шее — никакого шарфа, на руках — варежек. Шапка съехала набок — вот-вот, кажется, слетит. Глаза озорные, какие-то шальные.

— Эх, и трамплинчик! — снова кричит Федька, будто вокруг все глухие. — Летишь — дух забивает!

Но это он уже так, от восторга. Трамплин, в общем-то не очень высокий. Просто Федьке хочется прихвастнуть да лишний раз напомнить, что это он придумал построить трамплин.

Няма смотрит на Федьку, как тот готовится скатиться вниз, как поудобнее берет палки.

Федька оборачивается:

— Зря не катаешься. Мне бы твои лыжи: и-ех! А то стоит как пень. Айда сюда, не пожалеешь.

Но Няма только улыбается смущенно. Тогда Федька весело и хитро подмигивает Няме, сильно отталкивается палками и летит по раскатанной лыжне к трамплину. Там он подскакивает, взмотнув лапами пальто как крыльями, и, чудом удержавшись на ногах, благополучно скатывается вниз. Няма облегченно вздыхает, будто это сам он сейчас совершил прыжок, еще некоторое время смотрит на Федьку и идет домой, бережно унося лыжи.

Удивительно: что он за человек, этот Няма? Неужели ему не хочется вот так, как Федька, как другие ребята, с гиком и смехом скатиться с горки, отчаянно взлететь на трамплине?

Няма уходит не оборачиваясь. Вот он берется за дверную ручку, вот скрывается в подъезде.

Федька удивленно провожает его глазами, потом сплевывает сквозь зубы и говорит презрительно:

— Няма ты и есть Няма!..

В самом деле, даже обидно — такой денек пропадает для него зря, и сугроб с трамплином, и лыжи. А главное: что за размазня растет?

Вечером Няма снова появился во дворе со своими новенькими лыжами, которые он, как и прежде, бережно нес, крепко прижимая к боку.

Он медленно влез на сугроб, огляделся: во дворе пусто и тихо, нигде никого. Тогда он

торопливо надел лыжи и подошел к лыжне перед трамплином. Вся фигурка его была напряжена, руки цепко держали палки, губы закушены, а глаза, широкие и совсем темные, смотрели туда, где обрывался трамплин.

Он стоял так две, а то и три минуты, словно там, за изгибом трамплина, увидел какое-то страшное место. Но вот Няма вдруг поднял голову, быстро оглянулся влево-вправо, будто проверяя, не смотрит ли кто на него, лизнул языком губы и шагнул вперед.

Он сделал всего один шаг. И остановился. А потом вдруг суматошно и торопливо попятился, не спуская глаз с крутого горба лыжни. На лице мелькнула слабая и жалкая улыбка.

Неужели и сейчас он не решится? Неужели... Но в этот момент Няма, видимо, собрав все свое мужество, сделал несколько отчаянных шагов и покатился.

Он не доехал до трамплина — упал, зарывшись головой и руками в снег. Полежал с минуту, снял лыжи и начал медленно взбираться обратно. Эх, вот возьмет и совсем забойтся съехать!..

Но Няма снова, с тем же отчаянием, рванулся вперед. Но этот раз он достиг трамплина, взлетел и, беспомощно взмахнув руками, выпустив палки, мешком рухнул вниз. Он, видимо, крепко ушибся, потому что долго лежал и корчился, держась за колено.

Потом встал со стоном и, хромя, поплелся в обход сугроба. Теперь-то, наверное, все: и откатался, и отпрыгался. Теперь похрамает домой.

Однако Няма опять полез на сугроб.

И началось что-то необыкновенное: он скатывался вниз, падал с трамплина, ушибался, плакал не то от боли, не то от досады и злости, вставал и снова карабкался на сугроб.

Было уже совсем темно, а Няма, будто одержимый, бросался и бросался вниз, словно эта горка и этот трамплин были его самыми злейшими врагами.

И вдруг он, стремительно соскользнув с трамплина, описал небольшую, даже красивую, дугу и плавно опустился на площадку у подножья сугроба. Он не только устоял на ногах, но еще и покатился дальше.

Неожиданно от горки донесся тихий, какой-то радостно-торжествующий смешок. Няма смеялся.

Он неторопливо снял лыжи, положил их на плечо, оглянулся на горку и, усталый, помятый, весь в снегу, пошагал к подъезду.

Ах ты мой милый Няма! И какой ты Няма? Ты просто настоящий парень.

Пека

Венька Шубин сидит на последней парте в среднем ряду и возвышается над всеми, как пирамида Хеопса. Сидит он там уже третий год и чувствует себя как дома.

Нынешней осенью у него вдруг начали расти густые черные усы, и вежливые первоклашки стали звать его дядей.

Венька не любит ни математики, ни физики, ни истории. Он любит одну физкультуру. Венька отлично прыгает через коня, ловчее всех взбирается по канату, по десять раз выжимается на турнике. Если бы в школе преподавали только физкультуру, Венька был бы круглым отличником и, конечно, не остался бы на третий год в шестом классе.

Да что говорить об этом. Тут хоть бы дождаться, чтобы физкультура почаще была, а то раз в неделю. Один раз! Захохотал бы, да не хочется. Какая-то история и то четыре раза, а математика — так все шесть. От этих плюсов-минусов просто выть охота.

Сидит Венька на перемене за своей партией, жует булку с колбасой и горько думает о разных несправедливостях в жизни. Хорошо, что хоть в последние три недели истории нет — историчка, говорят, заболела. Вместо уроков истории теперь география и ботаника. Мало радости, конечно, но из двух бед эта полегче: не надо зазубривать всевозможные даты. Веньке в высшей степени наплевать, в каком году и где франки разбили войско римского наместника или когда царствовал король Карл Великий. На кой он Веньке со всеми другими царями, князьями и королями. А вот, поди ты, чуть что —

сразу двойка в дневник! Разве это справедливо!

Ладно, сама двойка уж не такая страшная штука. Волнует другое — взбучка дома. Это пострашнее любой двойки.

В коридоре задребезжал звонок. Венька проглотил остаток булки, вздохнул горестно и вынул из обшарпанного портфеля такую же обшарпанную ботанику — хоть бы сегодня пронесло, хоть бы Нинуся не спросила его про свои травки-козявки.

Нинуся — это учительница по ботанике Нина Алексеевна. А зовут ее Нинуся потому, что она молоденькая, маленькая и красивая. Однако очень въедливая и хитрая — сразу узнает, кто не выучил урока. Поэтому у Веньки к Нинусе нет никакой симпатии.

Отец сказал: если у Веньки за неделю будет хоть одна двойка, он не пустит его на футбол. А в воскресенье как раз матч на первенство края. Играет любимый Венькин «Буревестник». Самая интересная встреча. С «Динамо». Как же не пойти? Ведь последние осенние денечки, последние матчи!..

Все уже давно расселись по своим местам, а Нинуси нет и нет. Девчонки, словно их кто заипнотизировал, все, как одна, впились глазами в учебники — лихорадочно повторяют урок.

Вдруг дверь отворилась и вошел молодой незнакомый мужчина в сером костюме. Венька подумал, что это чей-то родитель заблудился, но мужчина уверенно прошел к столу и весело сказал:

— Здравствуйте. Я ваш новый директор школы. Ясно? Кроме того, я временно буду вести у вас историю. Зовут меня Юрий Петрович. Ясно?

— Ясно! — радостно выкрикнул Венька.

Он обрадовался, конечно, не тому, что снова возобновятся уроки истории, а потому, что так удачно избежал двойки по ботанике.

Юрий Петрович внимательно посмотрел на Веньку, качнул головой, но ничего не сказал. Не спеша раскрыл классный журнал и стал выкликать каждого по фамилии — знакомиться.

Когда очередь дошла до Веньки, Юрий Петрович снова с интересом уставился на него.

— Ага, так это ты и есть Шубин!

— Я. А что!

— Ничего. Хорош мужичок. Значит, любишь историю?

Венька удивленно заморгал:

— Почему!!

— Обрадовался.

Венька крепко струсил: вдруг сейчас возьмет и спросит его про какого-нибудь короля или про войну, и торопливо произнес:

— Не... Я люблю физкультуру.

— Вон как! Штангист! Ишь, плечи какие...

Венька даже задохнулся от удовольствия, однако нашел в себе силы сказать скромно:

— Нет еще. Я — легкоатлет.

Юрий Петрович кивнул:

— Ну-ну, это и видно. По журналу...

Ребята засмеялись, заоглядывались назад. А Венька обиделся. Сел хмурый, красный, ни за что ни про что двинул кулаком в спину Пашку Рыбина, да так, что тот слюной подавился и надолго перестал смеяться.

Юрий Петрович больше не смотрел на Веньку. Он отложил журнал, встал из-за стола и принялся расспрашивать ребят, на какой главе они остановились, хорошо ли усвоили пройденное, что им непонятно, а что запомнилось особенно ярко.

Он разговаривал просто, даже как-то весело и совсем не злился и не ехидничал, когда кто-нибудь не мог ответить или отвечал невпопад. Он только добродушно посмеивался, а Нинке Максюткиной даже подмигнул, когда она перепутала какие-то даты — дескать, ничего, всякое бывает.

Потом Юрий Петрович рассказал, как он в прошлом году ездил в Италию, побывал в городе Равенне, где видел древние гробницы всяких святых и римских императоров, что там, в Равенне, захоронены остготский король Теодорих Великий и знаменитая и прекрасная царица Галла Плещидия, та, которой Александр Блок посвятил не менее

прекрасные стихи.

И Юрий Петрович, задумчиво глядя в окно, прочел эти стихи.

Совсем неожиданно прозвенел звонок. Ребята были в восторге от Юрия Петровича. На перемене только и говорили о нем. Особенно девчонки. Нинка Максюткина просто захлебывалась, доказывая всем, что Юрий Петрович лучший преподаватель и неотразимый красавец.

Один лишь Венька оставался хмурым и недовольным.

— Подумаешь, цаца! Равенна какая-то, Галла-Балла, стишки — тюлюнь-тю-тю... Ерунда все это. В хорошие вмазывается. А вы слюни пораспустили. Потом он покажет, потом так прижмет — заплачете.

Это было в среду. А утром в пятницу, когда Венька пошел в школу, во дворе ему встретился Митюха Ведерников, по кличке Козерог, потому что у него надо лбом торчала большая шишка. Еще прошлой зимой во время игры в хоккей кто-то ударил Митюху по голове клюшкой. У всех на глазах выросла эта гуля, и вот уже больше года не хочет сходить с его головы.

Козерог был весел и возбужден.

— Шуба, новость слышал?

— Какую? — хмуро спросил Венька, глядя на Козерогову шишку, которая за лето, кажется, подросла еще больше.

— Новость — во! — И Козерог выставил большой грязный палец. — В «Буревестнике» новый центральный нападающий. Прямо черт. Пеле! С тридцати метров — в девятку! Без промаха! Шутя!

— Врешь, — сказал Венька, потому что это было бы настоящим счастьем. В «Буревестнике» еще никогда не было доброго центра.

Козерог даже побелел от негодования.

— Я?! Вру?! Да я сам его видел. Вчера, на тренировке, Пекой зовут. Он такого мяча дал — вратарь в ворота вполз. Говорят, в воскресенье играть будет.

— Да ну?!

— Точно. Говорят, приехал откуда-то. Мастер спорта.

Венька почти поверил.

— Ну, Козерог, если не врешь — отдам тебе складешок. Ну тот, который ты выпрашивал все... А соврал — берегись. Вторую шишку набью, побольше первой, понял?

Шел Венька в школу, бодро размахивая портфелем. Настроение у него было — хоть приплясывай. Думал: это здорово — мастер спорта! Венька в глаза еще не видел ни одного мастера. Был уверен, что они необыкновенные, могучие люди. Казалось, случайно где-нибудь встретит на улице и сразу узнает — мастер. Эх, и повезло! Теперь главное до воскресенья не получить двойки, иначе — все! Иначе матча не видать как своих ушей.

И Венька стал думать, как ему вернее избежать проклятых двоек.

И вот воскресенье.

Венька пришел на стадион за час до матча: поговорить, поспорить, а, может, если повезет, увидеть хоть краешком глаза кого-нибудь из футболистов «Буревестника», идущего в раздевалку. Козерог тоже вертелся здесь.

— Ну, Шуба, все точно: Пека играет. Выкладывай складешок.

Венька даже присвистнул:

— Ишь ты какой быстрый! Не-е! Только после матча!

— Хорошо, потерпим, — сказал Козерог и бросился догонять кого-то из знакомых.

Только он ушел, откуда ни возьмись — Юрий Петрович. Увидел Веньку, остановился.

— А, легкоатлет! Здравствуй.

Встреча была не очень приятной, тем более, что Юрий Петрович смотрел на Веньку с какой-то, как показалось, презрительной улыбкой.

— Болеть пришел? Зря. Завтра понедельник. История. Гляди — спрашивать буду. И никакого спуска. Ясно?

И, кивнув на прощанье, пошел как ни в чем не бывало. А у Веньки пропало настроение. Будто его и не было вовсе. Он побрел к трибуне, нашел свое место и сел, молчаливый и

одиноким.

«Ишь какой, — думал Венька про Юрия Петровича, — сам ходит по стадионам, а другим нельзя. И улыбается еще, как... морж...» Почему, как морж, Венька и сам не знал, но это несколько облегчило его душу. А тут наконец и стадион ожил: в ворота хлынул тугой поток народа.

Когда Венька оглянулся назад, все места до самого верха были уже заняты, кроме нескольких за его спиной. Когда он еще раз оглянулся — застыл в удивлении: на этих местах сидело пять или шесть учителей из Венькиной школы. Среди них была веселая, улыбочивая и, как всегда, красивая ботаничка Нинуся. Рядом с ней возвышалась, длинная и хмурая, завуч в больших черных очках. На ее голове торчала высокая остроконечная шляпа, словно туристский шалаш.

Первое, что пришло в Венькину голову, когда он увидел столь потрясающую картину — это немедленно бежать куда-нибудь подальше. Он беспокойно стрельнул глазами влево-вправо и остался сидеть: нигде ни одного свободного места.

Венька даже застонал:

«Вот не везет! Сначала Юрий Петрович, потом эти. Сиди теперь, словно дурак, и не побойся как следует: не крикни, не свисти, не топни...»

Венька больше не оглядывался, чтобы его не узнали и, что еще хуже, не заговорили с ним. Он вжал голову в плечи и смотрел, не отрываясь, на зеленое поле. А за спиной весело переговаривались, звонко смеялась Нинуся, отчего-то сердилась завуч.

— Если бы мне неделю назад кто-нибудь сказал, что я пойду на футбол, я бы сочла за оскорбление. И вот сижу... Какой позор!

Почему позор — Венька не понял. Да и некогда было — на поле вышли игроки. Венька жадно рыскал глазами: где Пека? Где знаменитый мастер спорта? Но все футболисты, казалось, были одинаковые и самые обыкновенные. «Неужели Козерог обманул? — подумал Венька. — Ну, погоди же!»

И только он подумал так, как раздался голос Нинуси, веселый и радостный:

— А вон и наш Юрий Петрович!

— Где, где? — заглядывалась завуч.

Венька тоже завертел головой: где! Только еще не хватало здесь Юрия Петровича, чтобы совсем испортить настроение.

— Убейте, не вижу, — досадливо произнесла завуч.

— Да вот он, в центре поля. Десятый номер.

Венька глянул на поле и ахнул: точно! Он! Юрий Петрович!

И в спортивной форме «Буревестника»! А на спине огромная десятка. Что за чудо! Не снится ли Веньке такое?

Нет, не снится. Вот раздался свисток судьи и Юрий Петрович первым пнул мяч — игра началась.

— Боже мой, — простонала за спиной завуч. — Директор!.. В трусиках!.. На глазах сотен людей!.. И школьников... Лучше бы теннис, или что там еще, а то — футбол!

Нина Алексеевна засмеялась, а потом сказала:

— Очень хорошо. Мне надоели директора, от которых пахнет валокордином.

А игра разгоралась. Венька неотрывно следил за Юрием Петровичем, забыв на время про Козерога и его знаменитого Пеку. Динамовцы, которые всегда выигрывали у «Буревестника», и сейчас крепко давили на него. Вратарь уже дважды спасал ворота, но гол назревал. Венька это чувствовал с тревогой. И не зря чувствовал: динамовцы быстро и красиво провели мяч к самой штрафной площадке, удар — гол!

Половина стадиона вскочила на ноги, заорала, засвистела, замахала руками, шляпами, косынками.

Венька облизнул сухие губы, выдавил хрипло:

— Гады...

Динамовцы, окрыленные успехом, снова ринулись к воротам «Буревестника». Венька даже глаза закрыл: сейчас вобьют еще штуку. Но динамовские болельщики почему-то молчали, и Венька осторожно открыл глаза. То, что он увидел на поле, ошеломило его радостно: Юрий Петрович стремительно гнал мяч к воротам динамовцев, здорово отставших от него. Два защитника, словно тигры, бросились к нему, чтобы преградить

дорогу, но Юрий Петрович удачно обошел одного, потом ловко обманул другого и с ходу, чтобы не помешали набегавшие футболисты, ударил по мячу. Тот описал крутую дугу и, как бомба, влетел в сетку. Вратарь даже не шевельнулся, думал, наверное, что мяч пройдет за штангой.

Над стадионом поднялся невообразимый рев — торжествовали болельщики «Буревестника». Венька тоже было заорал, да вовремя вспомнил про завуча и лишь хватил кулаком по сиденью.

«Молодец, Юрий Петрович! Настоящий молодец! Не гол — конфета. Проглотили — не поморщились».

Он украдкой оглянулся: что там учителя! Они яростно хлопали в ладоши. Нинуся тоже. Она разругалась, улыбка — все зубы напоказ. Только завуч не хлопала: она заткнула пальцами уши, сморщилась, будто глотнула уксуса.

— Безобразия! Из-за какого-то мячика такой гвалт. Ладно — дети. Им простительно. Но ведь взрослые люди!.. Честное слово, какое-то безумие.

«Ну и ну, — сказал сам себе Венька. — Что за странная тетка: такой футбол, а она...»

Первый тайм, как ни старались динамовцы, остался ничейным: один-один. Венька, очень довольный результатом, пошел малость промяться.

Только спустился с трибуны, навстречу Козерог, красный, как помидор, от возбуждения.

— Ну, как Пека?! — Еще издали закричал он. — Силен, а? Экстра-класс!

— Не видел я никакого Пеки. Брехун ты собачий.

Козерог выпучил глаза:

— Ты что?! Чокнулся? Или игру не смотрел?

— Смотрел и не видел.

Козерог дико захохотал:

— Обалдел! Как есть обалдел! А гол кто забил! Может, твоя бабушка!

Венька изумленно поднял брови:

— Это — Пека?!

— А кто же еще?

— Да ведь это Юрий Петрович! Наш директор школы.

Козерог изумился еще больше Веньки:

— Да ну?!

И они минуты две молча стояли, рассматривали друг друга ошалелыми глазами, будто не узнавая. Они бы, наверное, стояли так и дольше, но перерыв кончился и люди бросились занимать свои места.

Вторая половина матча была сплошной нервотрепкой. Венька то бледнел и замирал, когда динамовцы остервенело осаждали ворота «Буревестника», то краснел и дергался весь, будто сидел на горячих углях, когда «Буревестник» прорывался к штрафной «Динамо». В эти моменты стадион взрывался таким громом, словно небо обрушивалось на трибуны, и отовсюду неслись отчаянные голоса, полные мольбы и страданий:

— Пека, не тяни — бей!

— Давай, Пека, давай! Обходи слева!

— Пека, шуруй! Дави их!

Голоса не умолкали.

— Ну вот, теперь появился какой-то Пека, — раздался сзади скрипучий голос завуча. — Кто он!

— Как кто! Юрий Петрович.

— Юрий Петрович!! — жалобно спросила завуч. — Не может быть. Вы шутите.

— Он.

— Но почему же Пека! За что!

— Пека — это сокращенно Пекарев.

— Час от часу не легче, — произнесла завуч, чуть не плача. — Ведь это подрыв авторитета. Пека! Боже мой, теперь вся школа будет звать его этим Пекой!

Но Веньке было уже наплевать, что еще скажет завуч о Юрии Петровиче, что она подумает о нем, о Веньке. Он изо всех сил топнул ногами, свистнул, как соловей-разбойник, и заорал, облегчая душу:

— Пека, бей! Бей, говорю! Еще давай, еще разок!

Юрий Петрович будто услышал эти Венькины душераздирающие призывы и издалека, метров с тридцати, а то и больше, всадил мяч в верхний правый угол.

Стадион ревел. Сипел охрипшим голосом Венька. Он любил Юрия Петровича, он боготворил его, он готов был за него хоть на эшафот.

А когда услышал, как Нинуся крикнула, что Юрий Петрович настоящий парень, Венька почувствовал, что любит и Нинусю, что он никогда больше не будет досаждать ей на уроках. Даже завуч, которая на этот раз не заткнула пальцами уши и растерянно улыбалась, показалась Веньке доброй и прекрасной.

— Вот это плюха! — закричал ей Венька, хохоча от счастья. — Вот это удар! Вот это — Пека!..

«Буревестник» выиграл у «Динамо». Первый раз за три года Венька шел оглушенный огромной радостью. Вышел за ворота стадиона, увидел Козерога. Тот поджидал его.

— Гони складешок.

Венька достал из кармана ножичек и без сожаления отдал его.

— То-то, — сказал Козерог и торопливо сунул складешок в карман, чтобы Венька не передумал и не отобрал. — Ну, а теперь айда пошляемся. На Обь сходим или еще куда.

Венька мотнул головой:

— Не. Не пойду. Домой я. Завтра история, да и вообще...